

Религиозная организация –
духовная образовательная организация высшего образования
«Владимирская Свято-Феофановская Духовная семинария
города Владимира Владимирской Епархии Русской Православной Церкви»

Кафедра церковно-исторических и церковно-практических дисциплин

«ОБРАЗ “ДРУГОГО”»: ПРАВОСЛАВНЫЕ ГРЕКИ В ОЦЕНКЕ
УЧАСТНИКОВ ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.

Выпускная квалификационная работа
студента IV курса бакалавриата ВДС
Шарепина Николая Александровича

Работа завершена:

« ____ » _____ 2023 г. _____ (Шарепин Н.А., чтец)

Работа допущена к защите:

Научный руководитель

« ____ » _____ 2023 г. _____ (к.ю.н. Абрамов А.Е.)

Заведующий кафедрой

« ____ » _____ 2023 г. _____ (к.и.н. Макарова Д.Ю.)

Проректор по научно-богословской работе

« ____ » _____ 2023 г. _____ (к.ю.н. Абрамов А.Е.)

Владимир 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД В ИСТОРИИ КРЕСТОНОСНОГО ДВИЖЕНИЯ: СТОЛКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	10
1.1. Четвертый Крестовый поход в историографии: основные подходы и оценки	10
1.2. Хроники Четвертого Крестового похода как источники по теме (Жоффруа де Виллардуэн, Робер де Клари)	25
1.3. «Образ “другого”»: методология историко-культурного исследования	34
ГЛАВА II. ПРАВОСЛАВНАЯ ВИЗАНТИЯ И ВИЗАНТИЙСКИЕ ГРЕКИ В ХРОНИКАХ ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА	40
2.1. Ромейское государство: структура власти, политические и военные институты, система взаимоотношений «император – бюрократия – армия – народ»	40
2.2. Константинополь и его святыни в оценке участников IV Крестового похода	47
2.3. Моральные качества и благочестие греков, отношение к европейским «пилигримам». Греческая Церковь в Хрониках Четвертого Крестового похода	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ...	64

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Тема, связанная с изучением представлений западноевропейских рыцарей-крестоносцев о византийцах рубежа XII-XIII века, вписывается в более широкий контекст кроссцивилизационного исследования феномена «другого». Представляется, что бинарная оппозиция «свой – чужие» имеет фундаментальное значение для понимания и раскрытия особенностей любой культуры, этно-культурного самосознания: выстраивание образа «другого» (соседа, врага, чужестранца и т.п.) позволяет осознать самого себя как индивидуального или коллективного носителя этнической, политической, религиозной и духовной культуры, определить формы и способы взаимодействия с внешним миром, объяснить мотивы поступков и действий в отношении противостоящей стороны, носителя иной культурной традиции.

В нашем случае, оценка византийских греков со стороны европейцев – участников Четвертого Крестового похода (шампанского маршала Жоффруа де Виллардуэна и рядового амьенского рыцаря Робера де Клари) позволяет глубже разобраться в событиях одного из самых значимых периодов средневековой истории, понять цели, характер, результативность и значение крестоносного движения в целом и Четвертого Крестового похода (1199-1204 гг.) в частности. Кроме того, исследование хроник, составленных самими очевидцами описываемых событий, дает возможность выявить специфику представлений рыцарей-крестоносцев об окружающем мире и соседних народах (в частности, византийцах), обосновать мотивы поступков завоевателей. Это тем более важно, поскольку именно в рамках Четвертого Крестового похода, закончившегося разгромом христианской Византии, а не декларируемой победой христианства над исламом на Ближнем Востоке, произошел окончательный разрыв между западным и восточным христианством, между европейской (католической) и византийской (православной) цивилизациями. Как отмечает виднейший отечественный

исследователь ментальностей и медиевист-культуролог А.Я. Гуревич, нельзя «...применить к иным эпохам и цивилизациям наши собственные мерки, <...>, необходимо подходить к прошлому с адекватными ему критериями, вскрыть его собственную структуру»¹. Раскрытие вопросов заявленной темы позволяет, по справедливому замечанию С.И. Лучицкой, выявить удивительную взаимосвязь идеальных теоретических моделей, декларируемых в рыцарской литературе, с их практической реализацией европейскими рыцарями-крестоносцами².

Степень научной разработанности темы исследования.

Проблемы, связанные с формированием образа «другого», становились предметом изучения в разных гуманитарных и социальных науках: истории, этнологии и социальной (культурной) антропологии, культурологии и философии. Все труды, отражающие вопросы темы, можно разделить на четыре группы:

1. Исследования по истории крестоносного движения и крестовых походов в целом. К таковым относятся работы зарубежных авторов: П. Виймара, О. Кулиджа, Г. Мишо, С. Морисона, Р. Перну, Дж. Филиппа, К. Хилленбранд, К. Эрдмана, Т. Эсбриджа, Ж. Эрса³; отечественных авторов:

---

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – С. 18-19.

² Лучицкая С.И. Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского средневековья // Одиссей. Человек в истории / Гл. ред. А.Я. Гуревич. – М., 2004. – С. 13.

³ Виймар П. Крестовые походы: Миф и реальность священной войны / Пер. с франц. Д.Л. Журавлевой. – СПб.: Евразия, 2006. – 383, [1] с.; Кулидж О. Крестовые походы. – М.: Центрполиграф, 1980. – 966 с.; Мишо Г. История крестовых походов. – М.: Центр творческого развития, 1995. – 312 с.; Морисон С. Крестоносцы. – М.: Весь Мир, 2003. – 271 с.; Перну Р. Крестоносцы. Перевод с фр. А.Ю. Карачинского и Ю.П. алинина. – СПб.: «Евразия», 2001. – 320 с.; Филипс Дж. Четвертый Крестовый поход. – М.: АСТ, 2010. – 177 с.; Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива / Пер. с англ. «Издательство «ДИЛЯ». – СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2008. – 672 с.; Эрдман К. Происхождение идеи крестового похода / Перевод, предисловие и комментарий Д.Г. Хрусталева. – СПб.: «Евразия», 2018. – 662 с.; Эрс Ж. История крестовых походов. – М.: Евразия, 2017. – 233 с.; Эсбридж Т. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую Землю / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2016. – 733 с.

В.В. Акунова, А.Л. Дворкина, О.А. Добиаш-Рождественской, М.А. Заборова, Е.И. Майоровой, В.Л. Портных, Ф.И. Успенского, Д.Э. Харитонович и др.¹.

2. Труды византинистов, посвященные изучению Византии и Латинской Романии XII-XIII вв. Среди них монографии Х. Балла, А.В. Банникова и М.А. Морозова, А.А. Васильева, А. Гийу, С.П. Карпова, Э.Н. Люттвака, Дж. Норвича, Ж.-К. Шейнэ, О. Юревича и др.².

3. Работы медиевистов, рассматривающие проблемы политического, культурного (в этой связи и религиозного) развития Западной Европы периода Высокого Средневековья. В частности, это исследования Ж. Дюби, Дж. Норвича, А.Г. Смирнова и др.³.

---

¹ Акунов В.В. История военно-монашеских орденов Европы. – М.: Вече, 2012. – 448 с.; Дворкин А.Л. Хроники Крестовых походов. В 4-х томах. – Т. 3. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2020. – 472 с.; Добиаш-Рождественская О.А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. – М.: Мир, 1991. – 112 с.; Ее же. Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении). Общий очерк. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – 120 с.; Заборов М.А. Крестовые походы. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 279 с.; Его же. Крестоносцы на Востоке. – М.: Наука, 1980. – 320 с.; Его же. Папство и Крестовые походы. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 264 с.; Майорова Е.И. Женщины в эпоху Крестовых походов. – М.: Вече, 2012. – 675 с.; Портных В.Л. Крестовые походы на Ближний Восток (1095-1291 гг.): идейное содержание пропаганды. Дисс. ... докт. ист. наук (07.00.03 – всеобщая история). Новосибирск, 2017. – 434 с.; Успенский Ф.И. История Византийской империи: Отдел VI. Комнины; Отдел VII. Расчленение империи; Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. Восточный вопрос / Сост. Л.В. Литвинова. – М.: Мысль, 1997. – 829, [2] с.; Его же. История крестовых походов. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 161 с.; Харитонович Д.Э. История крестовых походов. – М.: Аванта+, 2009. – 712 с.

² Балл Х. Византийское христианство / Пер. с немецкого А.П. Шурбелева. – СПб.: «Владимир Даль», 2008. – 382 с.; Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV-XII вв.) – СПб.: «Евразия», 2013. – 688 с.; Васильев А.А. История Византии. Византия и крестоносцы: Эпоха Комнинов (1081-1185) и Ангелов (1185-1204). – Пг.: Academia, 1923. – 120 с.; Гийу А. Византийская цивилизация / Пер. с фр. В. Лоевского. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 552 с.; Карпов С.П. Латинская Романия. – СПб.: Алетейя, 2000. – 256 с.; Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи / Пер. с англ. А.Н. Ковалю. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 664 с.; Норвич Дж. История Византии / Пер. с англ. Н.М. Забилоцкого. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 542, [8] с.; Шейнэ Ж.-К. История Византии / Пер. с фр. В.Б. Зусевой. – М.: АТ: Астрель, 2006. – 158 [2] с.; Юревич О. Андроник I Комнин / Пер. с англ. К.Л. Дробинской. – СПб.: Евразия, 2004. – 256 с.

³ Дюби Ж. Европа в Средние века / Пер. с фр. М. Колесникова. – М.: Полиграмма, 1994. – 312 с.; Норвич Дж. История Венецианской республики / Пер. с англ. И. Летберг, Н. Омелянович, Ю. Федоренко. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 862, [2] с.; Смирнов А.Г. Культура средневекового рыцарства: христианский идеал и реальность. Автореф. ... канд. культурологии (24.00.01). – М., 2008. – 25 с.

4. Исследования культурологов, социальных и культурных антропологов, историков культуры, посвященные непосредственно выявлению образа «другого» в истории цивилизаций. Это исследования М. Блока, Ф. Броделя, А.Я. Гуревича, С.И. Лучицкой, В.Е. Морозова, О.А. Манухиной, Л. Февра и др.¹.

Объект и предмет исследования. В данной работе объектом исследования следует считать формирование и развитие образа «другого» в истории западноевропейской цивилизации, а предметом – оформление образа византийских греков в западноевропейском рыцарском сознании в период Крестовых походов.

Цель и задачи исследования.

В соответствии выявленным предметом исследования целью настоящей работы будет выявление особенностей формирования образа Византии и византийцев в западноевропейской рыцарской литературе (и культуре в целом) рубежа XII-XIII столетия.

Цель исследования определяет круг подлежащих решению задач: во-первых, характеристика времени IV Крестового похода, источников,

---

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр. Е.М. Лысенко. – М.: Наука, 1986. – 256 с.; Блок М. Феодальное общество / Пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.; Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Пер. с фр. Б.А. Ситникова. – М.: Изд-во «Весь мир», 2008. – 552 с.; Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – 2-е изд., доп. и испр. – М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 432 с.; Его же. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.; Лучицкая С.И. Крестовые походы. Идея и реальность. – СПб.: «Наука», 2019. – 389 с.; Ее же. Образ другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. – СПб.: Алетейя, 2001. – 412 с.; Манухина А.О. Средства выражения оценки в латинских и старофранцузских источниках XIII века (сопоставительный анализ документов Четвертого Крестового похода) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 10 (670). – С. 116-127; Ее же. Старофранцузская хроника как образец средневекового оценочного дискурса (на материале сочинений Ж. де Вильардуэна И Р. де Клари) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 643. – С. 83-92; Ее же. Субъект оценки и виды его реализации в старофранцузской хронике XIII века (на материале сочинения Ж. де Виллардуэна «Взятие Константинополя») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 561. – С. 242-255; Морозов В.Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 656 с.; Февр Л. Бои за историю / Пер. с фр. А.А. Бобовича, М.А. Бобовича, Ю.Н. Стефанова. М.: Издательство «Наука», 1991. – 630 с.

исследовательской литературы и методологических подходов в рамках темы исследования; во-вторых, выявление особенностей образа Византии и православных греков в представлениях участников Четвертого Крестового похода. В рамках второй задачи представляется необходимым ответить на следующие вопросы: образ Византийского государства (структура власти, политические и военные институты, система взаимоотношений «император – бюрократия – армия – народ»), описание византийской столицы, характеристика моральных качеств греков и их отношения к европейским «пилигримам».

Хронологические рамки исследования охватывают период IV Крестового похода (1199 / 1202-1204 гг.): от его подготовки до падения Константинополя и создания Латинской империи.

Методологическая основа исследования определяется его целью и задачами. В качестве основного в работе используется основанный на принципе историзма системный подход, который предполагает рассмотрение созданного рыцарями-крестоносцами образа «другого» (византийского грека и византийского общества в нашем случае) как сложную динамическую систему. Использование системного подхода в данной работе предполагает также обращение к наработкам, предложенным последователями «новой интеллектуальной и культурной истории», в чьих трудах описывается картина мира и анализируются ценностные ориентации и идеалы самих акторов – субъектов исторического процесса (в частности – хронистов крестовых походов).

Кроме того, в работе представлены традиционные методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-статистический, позволяющие реконструировать реалии рубежа XII-XIII вв.

Эмпирическую базу исследования составили хроники Четвертого Крестового похода, созданные его участниками – Жоффруа де Виллардуэном

и Робером де Клари. В качестве дополнения нами была использована «История» византийского писателя Никиты Хониата.

Новизна исследования.

Новизна исследования заключается в попытке применить наработанные в современной исследовательской литературе подходы к проблемам кросскультурного и междивизиационного взаимодействия для решения вопросов, связанных с формированием образа византийской цивилизации и византийских греков в системе западноевропейских представлений об окружающем мире в ключевой для Европы период крестовых походов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В отечественной и зарубежной исследовательской литературе не существует единого подхода к оценке феномена Крестовых походов европейского рыцарства в восточные земли. Во многом это связано не только с методологическими установками авторов, но и с характером нарративного материала, сохраненного благодаря участникам и очевидцам описываемых событий (в нашем случае – это хроники Жоффруа де Виллардуэна и Робера де Клари).

2. Интерес к оценке «другого» присущ всем без исключения эпохам. Это определяется тем, что конструирование любого этнического, политического и культурного сообщества неразрывно связано с установлением границ в соответствии с универсальной для всего человечества оппозицией «Мы – Они». Любая самоидентификация возможна только с осознания своей индивидуальности и «инаковости» соседа, чьи интересы и ценности в той или иной мере учитываются или отвергаются представителями формирующегося (или сформировавшегося) культурного сообщества, и с которым выстраивается сложная система взаимоотношений. Именно в эпоху крестовых походов расширяется сама западноевропейская «ойкумена» и появляется устойчивый интерес к описанию и оценке представителей восточных христианских цивилизаций (прежде всего

православных византийцев) и мусульман, а также окружающей их культурной среде. В период Четвертого Крестового похода складывание новой культурно-исторической дихотомии довольно четко отделило западноевропейскую цивилизацию Высокого Средневековья от христианской же цивилизации Византии и византийского культурно-религиозного ареала в целом.

3. Западноевропейские хронисты – участники Четвертого Крестового похода – дают умеренно-негативный образ византийцев, отмечая их низкие моральные качества и недостаточное благочестие, но восхищаясь богатством византийской столицы, ее укреплениями и культовыми сооружениями, количеством накопленных греками святынь и реликвий. Это контрастирует с более жесткой и уничижительной оценкой представителей Запада самими византийцами (в частности, византийской элитой), которые видели в европейских рыцарях прежде всего варваров, нацеленных исключительно на грабеж и применение грубой силы для достижения своих целей.

Апробация результатов исследования.

Отдельные результаты исследования были представлены на Пятой Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие Христианской Церкви: богословие, история, культура», посвященной 25-летию возрождения Владимирской духовной семинарии (г. Владимир, 16-17 марта 2023 г.).

Структура работы соответствует логике проведенного исследования: она состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов (по три в каждой главе), заключения, библиографического списка.

ГЛАВА I. ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД В ИСТОРИИ КРЕСТОНОСНОГО ДВИЖЕНИЯ: СТОЛКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

1.1 Четвертый Крестовый поход в историографии: основные подходы и оценки

Прежде чем дать характеристику основным подходам и оценкам, существующим в историографии Четвертого Крестового похода, представляется необходимым остановиться на ключевых событиях и процессах, приведших к падению византийской столицы 12 апреля 1204 года.

Следует отметить, что идея захвата Византии появилась у рыцарей-пилигримов уже к середине XII века. В ходе Второго Крестового похода (1147-1149 гг.), когда французские отряды подошли к византийской столице, в штабе короля Людовика VII высказывалось мнение о необходимости заключить союз с нормандско-сицилийским королем Рожером II и взять Константинополь¹. В частности, епископ Готфрид Лангрский обратил внимание на то, что укрепления византийской столицы находятся в плачевном состоянии, а военных сил ромеев не хватит защитить огромный город; кроме того, неоднократная поддержка византийцами сельджукских султанов, по мнению лангрского прелата, дискредитировала императора Мануила I Комнина как защитника веры Христовой. Лишь оперативные действия Мануила и помощь в переправе французов в Вифинию позволили Византии избежать столкновения с крестоносцами².

Ситуация начинает меняться после 1180 г.: после смерти Мануила I в Византии разразился острейший династический, политический и военный кризис. Как отмечает А.А. Васильев, «...Мануилу выпало на долю счастье умереть довольно рано, чтобы не видеть печальных последствий своей

---

¹ Заборов М.А. Крестовые походы. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – С. 210-211.

² Там же. – С. 211.

политики <...>. Тяжело было получить наследство императора, и никто из его преемников не сможет восстановить дел империи. В последующие годы падение пойдет весьма быстро вперед: справедливо сказать, что оно началось со времени царствования Мануила»¹.

После смерти Мануила Комнина императором был провозглашен его двенадцатилетний сын Алексей II (1180-1183), а регентом при малолетнем правителе стала его мать – Мария Антиохийская. Однако борьба придворных группировок и недовольство засильем «латинян» привели к свержению и убийству Алексея II и его матери и приходу к власти популярного полководца Андроника, начавшего серию реформ, призванных устранить западное влияние в империи. Правление Андроника не было удачным: преобразования, проводимые *manu militari*, объединили внутренних и внешних противников режима: «латинофильскую» константинопольскую аристократию, германского короля Фридриха I Барбароссу, сицилийского короля Рожера II и деловые круги итальянских городов-республик (и, прежде всего, Венеции). В 1185 году Андроник был свергнут родственником Комнинов Исааком II Ангелом (1185-1195 гг.)².

Новый дворцовый переворот 1195 года привел к низвержению Исаака II (он был ослеплен и брошен в темницу) и к коронации его брата – Алексея III Ангела-Комнина (1195-1203 гг.). Сын Исаака – Алексей – бежал на пизанском корабле в Италию, а затем оказался в Швабии³. После безуспешных переговоров с Филиппом Швабским и папой Иннокентием III Алексей обратился к находящимся под венгерским городом Зарой (Задаром) крестоносцам, и, пообещав им содействие по снабжению армии, по выплате в 200 тысяч серебряных марок из византийской казны, по сближению Восточной и Западной Церквей вплоть до подчинения греческой Церкви

---

¹ *Васильев А.А.* История Византии. Византия и крестоносцы: Эпоха Комнинов (1081-1185) и Ангелов (1185-1204). – Пг.: Academia, 1923. – С. 54.

² Там же. – С. 55-62; *Добиаиш-Рождественская О.А.* Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении). Общий очерк. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – С. 81; *Юревич О.* Андроник I Комнин / Пер. с англ. К.Л. Дробинской. – СПб.: Евразия, 2004. – С. 155-160.

³ *Васильев А.А.* Указ. соч. – С. 60-62.

римской, пригласил их к походу против Константинополя с целью восстановления на престоле Исаака II Ангела¹. Надо отметить, что папа Иннокентий III не слишком заинтересовался возможностью заключения унии с греками, однако предводители крестоносного воинства, побуждаемые венецианцами, предложения Алексея приняли². Показательно, что в письме к крестоносцам, римский понтифик подчеркивает: «...пусть никто из вас не тешит себя мыслью, что можно захватывать и разорять земли греков, поскольку они непослушны Апостольскому Престолу... <...>. ...мы запрещаем вам под угрозой экскоммуникации вторгаться в земли христиан или разорять их, разве только они сами каким-то образом затруднят ваш путь или появится какая-то справедливая и необходимая причина; как действовать в таком случае, вам смогут посоветовать наши легаты»³.

В первой половине апреля 1203 г. отряды крестоносцев были переправлены на остров Корфу, где соглашение с Алексеем было подписано официально⁴. Византийский царевич уверял лидеров крестоносных отрядов в лояльности населения Константинополя к свергнутому императору и обещал поддержку ромейского флота (около 600 галер). После выдачи долговых расписок от лица византийской казны крестоносным воинам поход на Константинополь был окончательно решен⁵. Следует отметить, что выбор новой цели был чрезвычайно выгоден главным «спонсорам» крестоносцев – венецианцам, стремившимся потеснить своих торговых конкурентов на Востоке – ромеев. Показательно, что венецианский дож Энрико Дондоло лично принял участие в плавании к константинопольским берегам. Таким образом, первоначальный план Четвертого Крестового похода, который

---

¹ Мишо Г. История крестовых походов / Пер. с фр. С.Л. Клячко. – СПб.; М.: Издание Товарищества М.О. Вольф, 1864. – С. 110-112.

² Васильев А.А. Указ. соч. – С. 85.

³ Цит. по: Дворкин А.Л. Хроники Крестовых походов. В 4-х томах. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2020. – Т. 3. – С. 373.

⁴ Величко А.М. История византийских императоров. В 5-ти томах. – Т. 4. – М.: ФИВ, 2010. – С. 652.

⁵ Там же. – С. 652-653.

предусматривал предоставление венецианцами судов для экспедиции в Египет с целью дальнейшего вторжения в Палестину, был окончательно пересмотрен.

23 июня 1203 года крестоносцы вышли на константинопольский рейд. Алексей III попытался организовать оборону города, однако суда крестоносцев сумели проникнуть в бухту Золотой Рог, а сами рыцари произвели высадку на берег и стали лагерем в районе Харисийских ворот и Влахернского дворца. Имперские вооруженные силы не могли противостоять противнику, поскольку после поражения от сельджуков в Мириокефальском ущелье (17 сентября 1176 г.) византийская армия состояла исключительно из наемников, а гвардейские части были деморализованы «властной чехардой» рубежа XII-XIII веков¹. 17 июля крестоносцам удалось захватить 25 башен на крепостных стенах, после чего войска Алексея III сдались западным пилигримам². Интересно, что дож Энрико Дандоло (ему исполнилось почти 90 лет) на носу передней галеры вел венецианцев на штурм и, невзирая на опасность, первым высадился на берег³. Алексей III бежал из Константинополя, а горожане освободили из заточения Исаака II и вновь провозгласили его императором. Под давлением предводителей крестоносцев, ожидающих оплаты своих трудов, соправителем Исаака был объявлен его сын Алексей IV.

Политика новых императоров была нацелена на удовлетворение интересов крестоносного воинства: из государственной казны и церковных имуществ (чрезвычайная мера, крайне редко используемая византийскими василевсами) им была выплачена часть обещанных денег⁴. Выплата второй половины долга оказалась очень затруднительной: соправители попытались

---

¹ Дворкин А.Л. Указ. соч. – С. 377.

² История Византии: В 3-х томах / Отв. ред. С.Д. Сказкин. – М.: Изд-во «Наука», 1967. – Т. 3. – С. 344-346.

³ Норвич Дж. История Венецианской республики / Пер. с англ. И. Летберг, Н. Омелянович, Ю. Федоренко. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – С.184-185.

⁴ История Византии: В 3-х томах / Отв. ред. С.Д. Сказкин. – М.: Изд-во «Наука», 1967. – Т.3. – С. 344-345.

обложить столичных жителей экстраординарным налогом, но это вызвало решительное противодействие¹. К январю 1204 г. константинопольский плебс все настойчивее требовал избрания нового императора, угрожая мятежом. Обращение Исаака II к крестоносцам за помощью привело к тому, что 25 января 1204 г. в храме св. Софии было созвано собрание синклитиков и высшего духовенства, на котором кандидатом на престол был выдвинут Алексей Дука Мурцуфл (Мурзуфл), пообещавший изгнать «латинян» из города².

В марте 1204 г. предводители крестоносцев во главе с князем Бонифацием Монферратским и венецианцы во главе с Энрико Дондоло заключили «Partitio Romaniae» – договор о разделе Ромейской империи. В соответствии с этим договором было определено: 1) взять Константинополь ооруженным путем и установить в нем новое правительство из латинян; 2) город предать расхищению и всю добычу разделить (три доли должны были пойти на погашение долга Венеции и удовлетворение обязательств Алексея IV, четвертая доля – на обогащение Бонифация и французских князей; 3) после завоевания города 12 избирателей (по 6 от Венеции и крестоносцев), приступят к выбору императора; 4) тот, кто будет избран императором, получает четвертую часть всей империи, остальные делятся поровну между венецианцами и французами; 5) та сторона, из которой не будет избран император, получает в свою власть церковь св. Софии и право на избрание патриарха из духовенства своей земли; 6) договаривающиеся обязуются год прожить в Константинополе, чтобы утвердить новый порядок; 7) из венецианцев и французов должна быть избрана комиссия из 12 лиц, чтобы распределить лены и почетные должности; 8) все вожди, желающие получить лены, дадут императору вассальную присягу, от которой освобождается лишь дож Венеции. За подписанием этого акта последовал

---

¹ История Византии: В 3-х томах / Отв. ред. С.Д. Сказкин. – М.: Изд-во «Наука», 1967. – Т.3. – С. 344-345.

² Там же. – С. 344-345.

подробный план распределения ромейских земель между европейскими феодалами, участвующими в походе¹.

9 апреля начался штурм города, Алексей Мурцуфл бежал, в Константинополе же разгорелась борьба между двумя претендентами на власть – Феодором Дукой и Константином Ласкарисом. 13 апреля в храме св. Софии императором был избран Константин, который, однако, отказался от короны до разгрома врага²: 12-13 апреля крестоносцы вторично овладели Константинополем и разоряли город в течение трех дней. На месте Ромейской (Византийской) была учреждена новая Латинская империя, императором которой стал граф Балдуин Фландрский.

После коронации Балдуина было отправлено письмо папе Иннокентию III, в котором предводители крестоносцев сообщали о падении города. Это было тем более важно, что римский прелат чрезвычайно негативно относился к захвату христианских земель, но, вместе с тем, подвергал греков критике за отказ поддержать Крестовый поход в 1198 году³. В обратном письме Балдуину от 7 ноября 1204 г. Иннокентий выражал радость по поводу захвата Константинополя, называя его «величественным чудом». В этом письме он представлял эти события как передачу Богом (это «было сотворено Богом и нам представляется чудом») Византийской империи «от гордых – смиренным, от непокорных – послушным, от раскольников – католикам»⁴. Папа также подыскал оправдание для рыцарей: грабеж Константинополя – это небесное возмездие за отступничество византийцев от истинной веры. Хронист Оттон Сен-Блазиенский подчеркивает, что, справедливо отомстив византийцам, Бог

---

¹ Успенский Ф.И. История крестовых походов. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С. 217-218.

² Заборов М.А. Папство и Крестовые походы. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – С. 175-178; Дворкин А.Л. Указ. соч. – С. 422-423.

³ Филипс Дж. Четвертый Крестовый поход / Пер. с англ. А. Воскресенской. – М.: АСТ, 2010. – С. 427-428.

⁴ Там же. – С. 428.

проявил к ним милость: он отдал Константинополь не неверным-мусульманам, а христианам¹.

Очевидно, что римский папа вполне был удовлетворен и коронацией Балдуина Фландрского императором Латинской империи, и выбором Томазо Морозини патриархом.

События Четвертого Крестового похода, приведшие к захвату Константинополя и падению христианской Византии, стали предметом изучения как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Уже в исторической литературе эпохи Просвещения (XVII-XVIII вв.) появляется подход, дающий оценку Крестовым походам вообще и Четвертому в частности как корыстному предприятию с политическими целями, инициатором которого выступает папство². Оппонентами просветителей начале XIX в. выступили консервативно настроенные исследователи, стремящиеся возродить католическую версию понимания Крестовых походов. В частности, Ф. Вилькен и Ж. Мишо отмечали, что Крестовые походы связаны с религиозным подъемом в средневековой Европе, толкнувшем широкие слои европейцев к отвоеванию Святой Земли у мусульман³. Подробно описывая ход Четвертого Крестового похода, Ж. Мишо, классический представитель позитивистской нарративной историографии, особо подчеркивает роль Иннокентия III в организации всего предприятия, однако изменение вектора похода в сторону Константинополя связано, по мнению исследователя, с политикой венецианцев и борьбой за престол между Комнинами и Ангелами в самой Византии⁴. Завоевание Константинополя и создание Латинской империи примирило папу с крестоносцами окончательно: он счел, что греки были справедливо наказаны за их заблуждения, а «... Господу было угодно утешить Церковь обращением в ее лоно еретиков; в то же время, от имени императора Балдуина он

---

¹ Заборов М.А. Крестовые походы. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – С. 226-227.

² Заборов М.А. Папство и крестовые походы... – С. 5-6.

³ Там же. – С. 6-7; *Его же*. Крестовые походы... – С. 7-8.

⁴ Мишо Ж. Указ. соч. – С. 108-120.

приглашал французов <...> отправляться в Грецию оружием креста. Индульгенции крестового похода были обращены тем, кто присоединится к победителям Византии, чтобы защищать и содействовать процветанию новой Восточной империи»¹.

Ф. Вилькен в семитомной «Истории Крестовых походов» доказывал, что главным фактором начала крестоносного движения стало столкновение религиозных интересов христианского Запада и мусульманского Востока².

Наиболее ярко консервативный взгляд на Крестовые походы был высказан в работах Ф. де Шатобриана. Он отмечал, что крестоносное движение представляло собой ни что иное, как масштабное столкновение цивилизаций и религий, противоборство восточного деспотизма и невежества с европейской ученостью и свободой. Значение Крестовых походов заключается в том, что они ослабили мусульман и не дали Европе стать добычей арабов и турок, как это произошло с балканскими странами³.

Со второй половины XIX века нарративистский метод Ж. Мишо подвергается справедливой критике. Исследователи, обратившись к более глубокому изучению источникового материала, выявили социально-экономические причины крестоносного движения, определили роль торговых интересов североитальянских городов-республик (В. Гейд), объяснили политические мотивы, побудившие римских пап стать идейными вдохновителями походов (Л. Брейе, У. Стивенсон, В. Норден)⁴. В рамках нашего исследования необходимо отметить, что именно со второй половины XIX в. изучение Крестовых походов становится важным фактором в конструировании европейских наций, складывании национального самосознания и национальной идентичности⁵.

---

¹ Мишо Ж. Указ. соч. – С. 126-127.

² Курбатов Г.Л. История Византии (Историография). – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. – С. 54-55.

³ Лучицкая С.И. Крестовые походы. Идея и реальность. – СПб.: «Наука», 2019. – С. 130-132.

⁴ Заборов М.А. Папство и крестовые походы... – С. 7-8.

⁵ Лучицкая С.И. Крестовые походы... – С. 134-135.

Во второй трети XIX в. история Крестовых походов стала предметом изучения также и отечественной историографии. Одной из первых работ по этой теме стало исследование И.Д. Ертова (1835 г.): в нем довольно ярко проявилась антикатолическая позиция в оценке крестоносного движения¹. В 1849 г. П.Е. Медовиковым была защищена диссертация «Латинские императоры в Константинополе», посвященная непосредственно событиям Четвертого Крестового похода². В пореформенной России проблематика Четвертого Крестового похода получила свое развитие как у светских, так и у церковных исследователей. В этой связи следует обратить внимание на работу «Об отношении Церкви латинской и греческой в период крестовых походов», написанную игуменом Арсением (А.И. Иващенко) в 1867 г. Автор отмечает, что в эпоху Крестовых походов наблюдается попытка соединения западной и восточной Церквей, однако именно папство благодаря своей агрессивной политике разрушило эти устремления; характеризуя Четвертый Крестовый поход, игумен Арсений возлагает ответственность за разгром Константинополя и Византии на Венецию³. Своеобразным продолжением исследования Арсения является статья А. Катанского «История попыток к соединению церквей греческой и латинской в первые четыре века по их разделении» (1867-1868), в которой исследователь доказывает тезис, что Четвертый Крестовый поход явился попыткой объединения Церквей силовыми методами, однако взятие Константинополя связано не с продуманным в Риме планом, а с целым рядом случайностей: торговыми интересами Венеции и корыстными устремлениями предводителей крестоносного воинства, которые соединились с церковными устремлениями

---

¹ Мурзенков Д.Н. Отечественная историография XIX – XX вв. Четвертого Крестового похода 1198-1204 гг. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук (07.00.09). – СПб.: 2005. – С.12-13.

² Там же. – С. 13.

³ Мурзенков Д.Н. Четвертый крестовый поход в оценках российских церковных историков второй половины XIX в. // Общество и власть. Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2004. – С. 322-323.

католического духовенства и набожностью массы крестоносцев, которые желали добра Византии¹.

В конце XIX в. изучение феномена Крестовых походов ведется в рамках российской позитивистской школы. Среди авторов необходимо выделить византинистов А.А. Васильева, Ф.И. Успенского, а также медиевистов В.И. Герье, О.А. Добиаш-Рождественскую, Н.А. Осокина, М.Н. Покровского.

В исследованиях А.А. Васильева и Ф.И. Успенского отмечается, что Четвертый Крестовый поход является сложным историческим явлением, в котором можно выделить разные мотивы: материальный интерес, переживания и высокий религиозный порыв, надежда на воздаяние в будущей жизни, жажда духовного подвига, верность обетам, жажда к приключениям и наживе. При этом ведущими будут именно социальные причины и материальные интересы². Ф.И. Успенский особо подчеркивает, что Четвертый Крестовый поход обернулся авантюрой и раскрытием истинных меркантильных целей крестоносцев, которые пренебрегли инструкциями Иннокентия III и захватили христианскую империю³.

В обобщающей работе Н.А. Осокина «История Средних веков» (1888 г.) отмечается, что Крестовые походы возбуждали надежды на соединение Церквей, причем события XIII в. позволяли достигнуть компромисс между Римом и Константинополем, а папа Иннокентий III «...никогда не желал, чтобы греки заплатились своим имуществом, даже своей жизнью за корыстолюбивые замыслы крестоносцев»⁴. Завоевание же Византии привело к тому, что деспотический строй на Балканах сменился новой политико-территориальной системой, которая представляла собой причудливую смесь республиканских и монархических элементов, присущих итальянским

---

¹ Мурзенков Д.Н. Четвертый крестовый поход... – С. 323-324.

² Васильев А.А. История Византии. Византия и крестоносцы: Эпоха Комнинов (1081-1185) и Ангелов (1185-1204). – Пг.: Academia, 1923.– С. 71.

³ Успенский Ф.И. История Византийской империи: Отдел VI. Комнины; Отдел VII. Расчленение империи; Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. Восточный вопрос / Сост. Л.В. Литвинова. – М.: Мысль, 1997. – С. 87.

⁴ Осокин Н.А. История Средних веков. – Т. 2: XIII-ое, XIV-ое и первая половина XV стол. – Казань: Типография императорского университета, 1889. – С. 54.

городским коммунам и феодальной Германии: «Византийская империя стала теперь громадным ленным государством, разбросанным в пределах всего Балканского полуострова»¹.

Крестоносному движению посвящает несколько своих работ О.А. Добиаш-Рождественская. В своей основной работе по данной теме – «Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении)» – она, в целом соглашаясь с позицией отечественных и зарубежных медиевистов, подробно разбирает события Четвертого Крестового похода и предлагает еще одну его причину – усиление паломнического движения в Святую Землю в XII веке².

Октябрь 1917 г. внес существенные коррективы в изучение Крестовых походов в Советской России и СССР. К 1930-м годам формируется новая марксистская школа исследователей (С.И. Архангельский, М.В. Левченко, В.В. Стоклицкая-Терешкович и др.)³. Основное внимание в изучении феномена крестоносного движения было обращено на социально-экономическую составляющую и его классовый характер. Кроме того, в работах 1930-х гг. четко проявляется антицерковное и антиклерикальное направление. В соответствии с этими установками Крестовые походы представлялись движением феодалов, ищущих лены на Востоке (поскольку уже в XI веке побеждает правило «нет земли без господина»), а также бедноты, бегущей от усиливающейся феодальной эксплуатации. Поскольку Высокое Средневековье связано с восстановлением роли города, то натиск европейцев на Балканы и Ближний Восток объяснялся также реализацией торговых программ итальянских (и не только) городских коммун. И, наконец, в рамках антирелигиозной пропаганды, Крестовые походы связывались с претензиями папства на господство над всем христианским миром (опять же в данной позиции прослеживается социально-экономическая причина –

---

¹ Осокин Н.А. Указ. соч. – С. 81-82.

² Добиаш-Рождественская О.А. Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении). Общий очерк. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – С. 1-22.

³ Мурзенков Д.Н. Отечественная историография XIX – XX вв. Четвертого Крестового похода 1198-1204 гг. – С. 14-15.

политическое укрепление Католической Церкви в Европе было возможно только с ростом материального богатства Церкви).

После окончания Второй Мировой войны изучение Крестовых походов в советской медиевистике продолжилось. Среди исследователей этого времени особое место принадлежит В.В. Стоклицкой-Терешкович, которая, развивая идею о росте торговой экспансии итальянских республик в сторону Восточного Средиземноморья, отмечала, что Крестовые походы (и, прежде всего, Четвертый), связаны с обострением противоречий между Западом (миром феодальной Европы) и Востоком (тюркско-арабским и византийским мирами) в акватории Средиземного моря. Именно Четвертый Крестовый поход, по мнению исследователя, был абсолютно лишен религиозной составляющей: недаром итогом похода стало завоевание христианской империи – основного конкурента европейцев в торговле с Левантом¹.

Развитие взглядов В.В.Стоклицкой-Терешкович наблюдается в творчестве ее ученика – М.А. Заборова, – крупнейшего отечественного исследователя Крестовых походов в 1950-1970-е гг., издавшего ряд концептуальных работ, посвященных истории крестоносного движения. Важнейшими из них стали: «Крестовые походы» (1956), «Папство и Крестовые походы» (1960), «Историография крестовых походов» (1971), «История крестовых походов в документах и материалах» (1977), «Крестоносцы на Востоке» (1980). Оставаясь на позициях марксистской методологии, М.А. Заборов, тем не менее, заложил основы для всей последующей отечественной историографии, а многие его выводы о причинах Крестовых походов, их движущих силах, идеологических установках, последствиях для развития средневековой Европы не теряют актуальности и по сей день.

Проблемы Четвертого Крестового похода интересовали также отечественных византинистов второй половины XX столетия. В частности, в

---

¹ *Стоклицкая-Терешкович В.В.* Борьба между западноевропейскими государствами за преобладание на Средиземном море в эпоху крестовых походов (с конца XI до конца XIII вв.) // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. – 1944. – Т. 1. – № 5. – С. 211-221.

работах М.М. Френденберга исследовались вопросы социальной и политической борьбы в Византии эпохи последних Комнинов (1180-1185 гг.). Внутренняя политика Андроника Комнина и его реформаторская деятельность подверглась анализу в статье М.Я. Сюзюмова «Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 году». М.Я. Сюзюмов, оценивая деятельность Андроника положительно, тем не менее считает, что террор, проводимый им в столице, стал важной причиной легкого захвата Константинополя крестоносцами¹.

Нельзя не отметить также исследование С.П. Карпова «Латинская Романия», посвященное итогам Четвертого Крестового похода и характеристике государств крестоносцев и греков, возникших на землях бывшей Византии. Историк отмечает, что Латинская Романия – это совокупность «западных» владений на византийском Востоке, состоящая как из сравнительно крупных политических образований, так и маленьких торговых факторий итальянских городов². Значение Латинской Романии, по мнению С.П. Карпова, трудно переоценить: ее историческое значение состояло в передаче византийского культурного наследия Европе и, наоборот, проникновении западноевропейских традиций в Византию Палеологов и поствизантийский греческий мир³.

Своеобразным дополнением исследования С.П. Карпова будет работа С. Моррисона о возможных положительных для греков последствиях Четвертого Крестового похода. Прежде всего, это переход к децентрализованной экономике и прогресс в ремесленном производстве, рост грамотности населения, развитие товарно-денежных отношений⁴.

Со второй половины XX в. в зарубежной и, (после крушения марксистской схемы) отечественной историографии происходит смена

---

¹ Соколов Н.П. Сорок лет советского византиноведения. – Горький: Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 1959. – С. 30-31.

² Карпов С.П. Латинская Романия. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 5-6.

³ Там же. – С 6-7.

⁴ Бармин А.В. Четвертый Крестовый поход: некоторые итоги изучения // Византийский временник. – 2009. – Т. 68. – № 93. – С. 160.

методологических парадигм и смещение интереса с социально-экономической, политической и военной проблематики к вопросам религии, культуры, идеологии, социальной психологии. Как подчеркивает С.И. Лучицкая, началось изучение культуры прошлых эпох исходя из тех образов, которые были ей присущи: Крестовые походы рассматриваются исследователями с позиций ментальности их современников¹.

Интересными в этой связи будут исследования Дж. Филипса, К. Хилленбранд и В.Л. Портных. Первая из работ посвящена подробному анализу Четвертого Крестового похода и оценке его со стороны самих участников², вторая – мусульманской оценке крестоносного движения, а третья – особенности складывания идеологии Крестовых походов. В.Л. Портных подчеркивает, что в понимании крестоносцев освобождение значимых в религиозном плане земель не нуждалось в материальной подоплеке, сам Бог наделял каждого из участников похода статусом «воина священной войны», который получал «индальгенцию» как духовную награду и перспективу обретения Царствия Небесного³. К. Хилленбранд делает акцент на осмысление Крестовых походов арабской исторической традицией и на влияние этой оценки на современные представления мусульман Ближнего Востока о европейцах⁴.

В год 800-летия падения Константинополя (2004 г.) в Афинах состоялся международный научный конгресс; в его рамках в докладе М. Балар (Франция) был подведен итог развития историографии Четвертого

---

¹ Лучицкая С.И. Крестовые походы. Идея и реальность. – СПб.: «Наука», 2019. – С. 335-336.

² Филипс Дж. Четвертый Крестовый поход / Пер. с англ. А. Воскресенской. – М.: АСТ, 2010. – 509, [3] с.

³ Портных В.Л. Крестовые походы на Ближний Восток (1095-1291 гг.): идейное содержание пропаганды. Дисс. ... докт. ист. наук (07.00.03 – всеобщая история). Новосибирск, 2017. – С. 354-355.

⁴ Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива / Пер. с англ. «Издательство «ДИЛЯ». – СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2008. – С. 602-605.

Крестового похода и определены направления и перспективы развития дальнейших исследований¹.

Отметим еще одно исследование, важное для реализации целей нашей работы, – это монография С.И. Лучицкой «Крестовые походы. Идея и реальность», изданная в 2019 году. Характеризуя Крестовые походы, С.И. Лучицкая останавливается на самом названии данного феномена. Она отмечает, что вплоть до XV века термин «крестовые походы» отсутствует. Движение европейцев на Восток обозначалось как «паломничество» (*peregrinatio*), путь в Иерусалим или дорога ко Гробу Господню (*iter Hierosolytanus, via Hierosolytana, expeditio Sancti Sepulchri*)². Сами же военные экспедиции в страны Леванта определялись как «священная / святая война» (*bellum sacrum / sanctum*), «святое дело» (*sanctum negotium*), «дело креста» (*negotium crucis*). Рыцари-крестоносцы могут обозначаться как «воины Бога» (*milites Dei*), «паломники» (*peregrini*), «осененные крестом» (*crucesignati*)³. Такое разнообразие средневековых подходов говорит, по мнению С.И. Лучицкой, о том, что само крестоносное движение было многогранным и сложным явлением, не до конца осознанном современниками и участниками событий⁴.

Таким образом, Четвертому Крестовому походу посвящена обширная литература: интерес к событиям рубежа XII-XIII вв. проявился уже в XVIII веке, однако научные школы складываются во второй половине века XIX. Следует отметить, что первоначально исследователи, используя позитивистскую методологию, стремились к описанию происходящих событий, но уже к середине XX века наметился поворот к «культурной истории», в рамках которой была сделана попытка осмыслить крестоносное движение через те представления и оценки, которые донесли до нас сами участники и очевидцы Крестовых походов (как со стороны крестоносцев, так

---

¹ Бармин А.В. Указ. соч. – С. 168-169.

² Лучицкая С.И. Крестовые походы... – С. 6-7.

³ Там же. – С. 6-7.

⁴ Там же. – С. 6-7.

и со стороны их противников – мусульман и православных греков-византийцев). Этот поворот в медиевистике и византинистике является определяющим для достижения целей нашего исследования, поскольку в работе нас интересует не столько ход похода, сколько отношение к происходящему его западноевропейских участников.

1.2 Хроники Четвертого Крестового похода как источники по теме (Жоффруа де Виллардуэн, Робер де Клари)

Важнейшими источниками, повествующими о событиях Четвертого Крестового похода, являются две хроники крестоносцев – «Завоевание Константинополя» («*Conquête de Constantinople*») маршала Шампани Жоффруа де Виллардуэна и «История тех, кто завоевал Константинополь» («*Estoire de chiaus qui conquistent Constantinoble*») пикардийского рыцаря Робера де Клари. Как отмечает О.А. Манухина, эти манускрипты являются особой категорией источников: повествуя о «хороших» и «плохих» героях, авторы соотносят их с системой средневековых представлений о рыцарстве и с рыцарским «кодексом чести»¹. Интересным представляется также и тот факт, что обе хроники написаны не на латыни, а на разговорных диалектах старофранцузского языка (центральнофранцузском и пикардийском)². Данное обстоятельство важно для нашего исследования тем, что, как отмечают медиевисты, в произведениях, написанных на «народной латыни», личность хрониста проявляется рельефнее, нежели в латиноязычных текстах,

---

¹ Манухина А.О. Старофранцузская хроника как образец средневекового оценочного дискурса (на материале сочинений Ж. де Вильардуэна и Р. де Клари) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 643. – С. 84-85.

² Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. – С. 124.

при написании которых авторы были стеснены в изобразительных средствах уровнем владения чужим языком¹.

Еще одна примечательная черта обеих хроник – их светский характер: для Жоффруа де Виллардуэна и Робера де Клари сам Крестовый поход представляется чередой случайностей и интриг отдельных людей в большей мере, нежели реализацией Божественного Промысла (что было характерно для раннесредневековых латиноязычных летописей). Недаром авторов-крестоносцев считают родоначальниками популярной в XIX в. «теории случайностей»². Показательно, что сама хроника Робера де Клари начинается словами: «Здесь начинается история тех, которые завоевали Константинополь...<...>. *Случилось так (курсив наш – Н.Ш.),* что как раз в то время папа Иннокентий был апостоликом римским, а Филипп – королем Франции» (де Клари, I). Вместе с тем, работы Жоффруа де Виллардуэна и Робера де Клари имеют ряд существенных отличий, что объясняется личностями и социально-культурным окружением самих авторов.

Жоффруа де Виллардуэн (ок. 1150 – 1212/18 гг.) являлся французским феодалом средней руки, который унаследовал несколько поместий и замок недалеко от Труа в графстве Шампань от своего предка – Вилэна де Виллардуэна³. Примечательно, что семейство Виллардуэнов считалось прямым вассалом графов шампанских, что изначально повышало статус отпрысков этой семьи в системе феодальной иерархии. В 1172 году, находясь на службе графа Шампани, Жоффруа был посвящен в рыцари, а через тринадцать лет (1185 г.), в регентство Марии, управляющей от лица малолетнего графа Генриха (Анри) II, получил звание и должность маршала

---

¹ Манухина А.О. Субъект оценки и виды его реализации в старофранцузской хронике XIII века (на материале сочинения Ж. де Виллардуэна «Взятие Константинополя») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 561. – С. 243.

² См.: Шишкин А.А. События IV Крестового похода в оценке его участников // Молодой ученый. – 2013. – № 7 (54). – С. 334-335; Люблинская А.Д. Указ. соч. – С. 124.

³ Заборов М.А. «Завоевание Константинополя» Жоффруа де Виллардуэна и историческая мысль средневековья // Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / Перевод, статья и комментарии М.А. Заборова. – М.: Наука, 1993. – С. 128-129.

(marescallus) Шампани¹. Традиционно должность маршала считалась в Шампани третьей после коннетабля и сенешаля и рассматривалась в категории «служащих» (servientes, ministeriales), а не «сеньоров» (seniores): маршал исполнял обязанности главного конюшего своего сеньора и командовал арьергардом графской армии во время военных действий. Это наглядно демонстрирует тот факт, что дом Виллардуэнов не принадлежал к домам шампанской знати первого ряда.

В 1190 году Жоффруа де Виллардуэн принял участие в Третьем Крестовом походе (французское рыцарство возглавлял король Филипп II Август), находясь под руководством Генриха (Анри) II, графа Шампанского. Маршал был активным участником осады города Акра, и вернуться на родину смог лишь спустя четыре года, так как после стычки с сарацинами попал к ним в плен. По возвращении из плена Жоффруа де Виллардуэн вновь попал в совет графини-регента Марии Шампанской².

Во время Четвертого Крестового похода Жоффруа де Виллардуэн оказался одной из ключевых фигур: по его собственным словам он участвовал во всех советах командиров крестоносного воинства (де Виллардуэн, 120), и фактически являлся, наряду с нетитулованным рыцарем-поэтом Кононом Бетюнским, руководителем «штаба» крестоносцев³. В 1200-1201 гг. Жоффруа был выбран парламентаром для проведения переговоров с Венецией, чтобы та помогла преодолеть море рыцарям-крестоносцам. Маршал принимал активное участие в подписании договоренностей с византийским царевичем Алексеем⁴. Он же был непосредственным участником первого штурма Константинополя в 1203 году: в то время, когда основная часть войска штурмовала город, Жоффруа де Виллардуэн возглавлял отряд рыцарей, обеспечивающих защиту лагеря. Когда Константинополь был взят (12-13 апреля 1204 г.), на Жоффруа, помимо

---

¹ Заборов М.А. «Завоевание Константинополя» Жоффруа де Виллардуэна... – С. 128-129.

² Там же. – С. 129-130.

³ Шишкин А.А. Указ. соч. – С. 334-335.

⁴ Там же. – С. 334-335.

выполнения разного рода дипломатических поручений, была возложена ответственность за сохранность города во время отсутствия основного войска. Через полгода он был удостоен звания маршала Романии и Шампани, став одним из влиятельных людей императорского двора¹. Весной 1205 года Жоффруа де Виллардуэн руководил войском крестоносцев из Шампани в военном походе латинского императора Балдуина против Болгарского царства, где войско крестоносцев потерпело сокрушительное поражение: в битве под Адрианополем (14 апреля 1205 г.) императора взяли в плен, а Жоффруа, собрав остатки войска, смог вернуться в Константинополь и объединиться с армией Анри д'Эно – брата Балдуина². В качестве признания заслуг Жоффруа де Виллардуэн получил в награду от императора лен на Балканах, не отказываясь, однако, от титула маршала Шампани (где у него остаются сеньория и семья). Умер маршал в промежутке между 1212-1218 гг.³.

Около 1207 г. Жоффруа де Виллардуэн продиктовал на родном языке хронику «Завоевание Константинополя» («*Conquête de Constantinople*»), которая с точки зрения объема и детализации фактического материала остается важнейшим источником по истории Четвертого Крестового похода. Находясь в центре дипломатии крестоносцев, маршал знал те причины, которые обусловили особенности похода и повороту европейского воинства в сторону византийской столицы. Кроме того, Жоффруа де Виллардуэн, судя по всему, вел путевой дневник и имел доступ к официальным документам, содержание которых он пересказывает в своей хронике (сделка о найме венецианских кораблей для перевозки крестоносцев в 1201 г., договор с ромейским царевичем Алексеем в 1203 г., соглашение венецианцев и французов о разделе Византийской империи в 1204 г.)⁴. Вместе с тем, необходимо учитывать, что шампанский маршал, подробно описывая

---

¹ Люблинская А.Д. Указ. соч. – С. 124.

² Заборов М.А. «Завоевание Константинополя» Жоффруа де Виллардуэна... – С. 135-136.

³ Там же. – С. 140.

⁴ Там же. – С. 143.

события Четвертого Крестового похода, имел перед собой определенную цель – представить захват столицы христианской империи как результат стечения обстоятельств, череду случайностей, которые толкнули предводителей крестоносцев и венецианцев на корректировку задач похода¹. Однако следует отметить, что именно эта, казалось бы намеренная, дезинформация, становится важной для реализации задач нашего исследования, поскольку позволяет выяснить личностное восприятие хронистом происходящих событий.

Автором второго произведения крестоносцев является простой пикардийский рыцарь Робер де Клари. Его перу, как уже отмечалось, принадлежит труд «История тех, кто завоевал Константинополь» («*Estoire de chiaus qui conquisent Constantinoble*»)². О жизни Робера де Клари и об обстоятельствах написания хроники известно мало. История также не сохранила достаточного количества сведений для полноценного восприятия его как личности. В своем произведении Робер де Клари не стремится сделать себя одной из ключевых фигур повествования: все сведения, которые касаются автора хроники, весьма отрывочны и скудны. Даже в первой главе, где приводится список рыцарей, которые приняли решение отправиться в крестовый поход, Робер не числится³. Известно только, что Робер де Клари участвовал в Крестовом походе вместе со своим братом (клириком Альомом) в дружине своего сеньора – Пьера Амьенского (де Клари, XXVI). Вероятно, что после завоевания Константинополя Робер де Клари вернулся в Пикардию⁴.

Основываясь на косвенных свидетельствах, можно предположить, что представители семьи Робера де Клари получили дворянский титул в конце

---

¹ Люблинская А.Д. Указ. соч. – С. 124.

² В русском переводе М.А. Заборова – «Завоевание Константинополя» (как и хроника Жоффруа де Виллардуэна).

³ Заборов М.А. Робер де Клари и его Хроника как памятник исторической мысли Средневековья // Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Перевод, статья и комментарии М.А. Заборова. – М.: Наука, 1986. – С. 83-84.

⁴ Там же. – С. 84.

XII века и стали именоваться по названию местности (Клари – современная Клерри-ле-Пер-нуа), где располагался феодал новых рыцарей, пожалованный сеньорами Амьена. Именно поэтому Робер связан узами вассальной клятвы (foi) со своим сюзереном Пьером Амьенским, которого превозносит в своей хронике¹. Вероятно решение отправиться в поход со своим сеньором было принято Робером де Клари весной 1200 г., поскольку по известному французскому правилу «вассал моего вассала не мой вассал» Пьер Амьенский мог призвать подвластных ему рыцарей после того, как его самого призвал его сюзерен – граф Пикардийский.

Следует также подчеркнуть, что мы не только плохо представляем биографию Робера де Клари, но и практически ничего не знаем о его кругозоре, об источниках, послуживших основой для его хроники (кроме увиденного им самим и услышанного от сотоварищей)². Как отмечает М.А. Заборов, зачастую источником Робера выступает устная традиция, восходящая либо к тем пилигримам, которые побывали на Левантийском побережье и на Балканах, либо к византийцам, с которыми удалось побеседовать участникам Четвертого Крестового похода³. Помимо сугубо практических вещей хрониста интересовало все «необыкновенное» и «чудесное» (как в деяниях людей, так и в протекании событий).

Робер де Клари весьма неаккуратен в выстраивании хронологии событий, их последовательности, однако такой подход помогает понять тот идейный настрой, который характеризовал крестоносное воинство. Являясь рядовым рыцарем, Робер де Клари не был осведомлен о делах генералитета, однако он весьма эмоционально отразил те настроения, которые царили среди рядового рыцарства, что позволяет взглянуть на поход как бы изнутри⁴. Хронист часто осуждает знатных рыцарей, которые ущемляют и обманывают рядовых участников похода, поэтому по своей идейной

---

¹ Заборов М.А. Робер де Клари и его Хроника... – С. 85.

² Там же. – С. 90.

³ Там же. – С. 91-92.

⁴ Люблинская А.Д. Указ. соч. – С. 124.

направленности труд Робера де Клари как бы противостоит хронике Жоффруа де Виллардуэна¹. Тем не менее, есть одна особенность, которая роднит оба произведения: как и в хронике Жоффруа де Виллардуэна, в труде Робера де Клари причинно-следственные связи детерминируются не столько небесным промыслом, сколько земными побуждениями реальных акторов².

Определяя ту историческую среду, в которой живут и действуют оба хрониста, надо сказать следующее. Это – эпоха Высокого Средневековья, характеризующаяся, с одной стороны, политической раздробленностью Западной Европы, представляющей собой конгломерат феодальных владений и городов-коммун, с другой, – началом централизации, что наиболее четко можно наблюдать в Англии и во Франции. Во Франции, откуда происходят оба наших хрониста, до конца XII в. идет укрепление королевского домена, что наиболее ярко проявилось в период правления Филиппа II Августа (1180-1223 гг.), который, выступив против английского короля Иоанна Безземельного, конфисковал его владения во Франции и завоевал Нормандию (1202-1204 гг.)³.

В эпоху Высокого Средневековья формируется и представление об общественной иерархии, которая копирует иерархию небесную. Корни этого представления находятся в Античности и Раннем Средневековье (в трудах Платона и свт. Августина Блаженного). Представители разных сословий занимали разные ступени на социальной лестнице и образовывали разные «хоры» в христианском мире. Средневековые мыслители говорили о трех взаимодополняющих друг друга стратах: *oratores* («тех, кто молятся» – священничество), *bellatores* («тех, кто воюют» – рыцарство) *laboratores* («тех,

---

¹ Манухина А.О. Средства выражения оценки в латинских и старофранцузских источниках XIII века (сопоставительный анализ документов Четвертого Крестового похода) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 10 (670). – С. 126-127.

² Заборов М.А. Робер де Клари и его Хроника... – С. 108-110.

³ История средних веков: В 2-х томах. Учебник / Под ред. С.П. Карпова. – 6-е издание. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Изд-во «Печатные традиции», 2008. Т. 1. – С. 329-330.

кто трудятся» – крестьянство)¹. В свою очередь и в рамках рыцарского сословия (что важно для понимания мировоззрения авторов хроник крестоносцев) внутрисословная субординация, отождествляясь с небесной иерархией, имела первостепенное значение. Речь идет об институте сюзеренитета и вассалитета, который поддерживался обычаем и церковными установлениями и гарантировал социальную стабильность. По мнению А.Г. Смирнова, стержнем рыцарской корпоративной культуры была военная сфера: рыцарство традиционно считалось защитником Церкви и общества в целом². Как отмечает М. Блок, само по себе положение благородного запрещало ему какую-либо экономическую деятельность: он должен был телом и душой служить своему призванию – призванию воина; война воспринималась как смысл жизни, исполнение долга по отношению к королю и сеньору, дело чести и как вполне выгодный промысел³.

Еще одним фактором, без которого невозможно понять средневековое общество и его нарративы, является огромная роль Церкви, которая осуществляла не только духовную миссию, но и выполняла вполне земную социально-политическую роль: в ситуации феодальной анархии именно Церковь воплощала собой упорядоченное начало, оспаривая у светских властей право на господство в христианском мире, используя, в частности, институт вассалитета и пожалования феодалов⁴. Именно Церковь сумела взять на себя дело организации и осуществления Крестовых походов.

При характеристике хроник крестоносцев не следует также забывать о том, что и византийцы оставили ряд произведений, которые демонстрируют обратный взгляд – взгляд православного грека на представителей западноевропейского рыцарства. В рамках нашего исследования этот аспект

---

¹ Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История средних веков. Учебник. – М.: Иктерпракс, 1995. – С. 86.

² Смирнов А.Г. Культура средневекового рыцарства: христианский идеал и реальность. Автореф. ... канд. культурологии (24.00.01). – М., 2008. – С. 14-15.

³ Блок М. Феодальное общество / Пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – С. 255-257; 289.

⁴ Дюби Ж. Европа в Средние века / Пер. с фр. М. Колесникова. – М.: Полиграмма, 1994. – С. 152-153.

не будет ведущим, поэтому ограничимся указанием только на одно глобальное произведение, написанное греческим очевидцем событий Четвертого Крестового похода – Никитой Хониатом, лично пережившим осаду и штурм Константинополя латинянами. Никита Хониат (Акоминат) является автором «Истории» (Χρονικὴ διήγησις), охватывающей период от 1118 до 1204 гг.: эту рукопись он спасал, бросив все свое имущество при бегстве из Константинополя в 1204 году¹. Получивший классическое византийское образование и будучи талантливым писателем, Хониат отразил широкую социально-культурную проблематику эпохи Комнинов и Ангелов. По словам исследователя творчества византийского историка и крупнейшего отечественного византиниста А.П. Каждана, Никиту Хониата волнуют многие вопросы: активизация деятельности городского населения, феодализация общественных институтов, проникновение народной стихии в «высокую» культуру, формирование военно-аристократической этики, отношение к античному наследию, десакрализация императорского идеала². В «Истории» содержится и оценка западных рыцарей, с которыми империя столкнулась в эпоху Крестовых походов.

И, наконец, еще одним дополнительным источником, который был нами использован при исследовании европейского взгляда на Византию и выстраивании оппозиции «мы – они», является древнерусская повесть «О взятии Царьграда от фряг», написанная, по всей вероятности, тоже очевидцем и участником событий и сохранный в Новгородской первой летописи³. Ценность этого источника определяется его относительной беспристрастностью в изложении событий. В отличие от хроник крестоносцев и «Истории» Никиты Хониата текст написан очевидцем, который непосредственно не пострадал от завоевания византийской столицы:

---

¹ Бибииков М.В. Историческая литература Византии. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1998. – С. 198.

² Каждан А.П. Никита Хониат и его время. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. – С. 19.

³ Мещерский Н.А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). – Т. X. – М.-Л., 1954. – С. 120-121.

если Жоффруа де Виллардуэн и Робер де Клари оправдывают действия своих соотечественников, а Никита Хониат критикует захвативших город «франков», то автор «Повести», не скрывая насилий крестоносного воинства, не оправдывает византийцев. Причиной гибели империи он называет политическую борьбу между императорами и отмечает, что во время последнего штурма василевс, патриарх и вельможи позорно бегут из Константинополя¹.

Таким образом, выбранные нами Хроники Жоффруа де Виллардуэна, Робера де Клари, «История» Никиты Хониата и древнерусская «Повесть о взятии Царьграда от фряг» удачным образом дополняют друг друга и могут служить источниками для исследования проблем избранной для написания курсовой работы темы. В рамках следующей главы мы сделаем попытку суммировать сведения, сообщаемые средневековыми авторами.

1.3 «Образ “другого”»: методология историко-культурного исследования

Интерес к образу «другого» (представителю другого этноса, цивилизации, культурной традиции, социальной страты и т.п.) характеризует любую историческую эпоху: во все времена та или иная социальная общность сталкивалась с необходимостью делиминации оппозиции «мы – они» и определения набора маркеров, которые позволили бы выявить степень «инаковости» и, соответственно, выработать наиболее приемлемые способы взаимоотношений с этими «другими». Однако научное изучение вопросов, связанных с восприятием той или иной цивилизации представителем иной (пусть даже близкой) культуры, начинается только в XX веке. Как отмечает С.И. Лучицкая, само понятие «иное» «...является центральным для философских и эпистемологических проблем, потому что оно связано как с проблемами герменевтики, так и с проблемами отношения человека к

---

¹ *Мещерский Н.А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами... – С. 127-128.

окружающему миру»¹. Действительно, уже в рамках культурной антропологии «иное» рассматривается как одно из ключевых понятий, способствующих постижению того или иного типа культуры, пониманию культурного разнообразия социумов. Культурная антропология отказывается от позитивистской методологии, которая во главу угла ставила идею прогресса, эволюции и усложнения общественных структур, и постулирует, что нет какой-то единой культуры, характерной для той или иной стадии общественного развития – культуры равнозначны, а культурная дифференциация объясняется конструированием в каждой из культур собственного «образа мира»². Другими словами, новая методология отказывается от выстраивания схемы «субъект – объект», а склоняется к созданию субъектно-субъектных конструкций. Как отмечает в этой связи А.Я. Гуревич, «...Изучая людей во времени, мы не создаем отношение субъекта к объекту – мы вступаем в диалог с ним, диалог, который невозможен вне наук о культуре»³.

Очевидно, что новый подход в культурной антропологии и истории культуры меняет отношение к историческому источнику. Если в период господства позитивизма главной задачей исследователя было выявление информативности и степени достоверности источника, в котором в любом случае присутствовал набор фактов, отражающих происходящие события и процессы (т.е., по сути, фактографическое знание), то новая культурологическая методология обращает внимание в большей степени на ту «дезинформацию» (намеренную либо случайную), которую источник в себе заключает⁴. Теперь именно субъективизм источника (текста или иного артефакта) становится ценным для исследователя, поскольку заключает в

---

¹ Лучицкая С.И. Образ Другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 5.

² Лучицкая С.И. Образ Другого... – С. 11-12.

³ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов»... – С. 15.

⁴ Гусева Н.С. Школа «Анналов»: Обновление методологической базы историографического исследования и становление «новой исторической науки» // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. – 2013. – № 2(8). – С. 31.

себе специфические представления, характерные для представителей той или иной культурной традиции. Соответственно, исследователь должен иметь в виду, что любой исторический источник отражает не реалии и факты как таковые, а субъективированный, зависящий от авторов, их образ; кроме того, создавая новую концепцию, сам исследователь не может в полной мере отрешиться от собственной системы ценностей, культурных традиций и представлений. Стремление изучить культурную традицию «изнутри» стало ведущей тенденцией современного исторического и культурологического знания и создало условия для появления таких методологических направлений как семиотика, герменевтика, структурная антропология, «школа Анналов», в рамках которых культура рассматривается как особая знаковая система¹. В соответствии с этим представлением задачей исследователя будет расшифровка «смыслового кода» конкретной культурной традиции. В этой связи А.Я. Гуревич подчеркивает: «Своеобразие современного историко-культурного исследования я вижу <...> в том, что оно предполагает включение своего носителя – историка, а при его посредничестве и читателей в общение с изучаемой культурой»². У современного историка есть преимущество перед носителем конкретной культуры: будучи своеобразным сторонним наблюдателем, он может наблюдать то, что сами носители культурной традиции не сознавали³. Изучая иную эпоху и реконструируя ее, историк сталкивается с «другими» – с людьми, которые руководствовались в своей жизни собственными ценностями и выработали специфическую «картину мира» и систему реакций на получаемые из этого мира импульсы⁴.

Уже в 20-е годы прошлого века французский историк А. Берр обосновывает концепцию «исторического синтеза», которая знаменует собой отход от позитивистской методологии в гуманитарных науках; по мнению А.

---

¹ Лучицкая С.И. Образ Другого... – С. 12-13.

² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – С. 6.

³ Там же. – С. 7.

⁴ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов»... – С. 401.

Берра философия, антропология и история должны «синтезировать» разноаспектную деятельность человека¹. По мнению Ф. Броделя, одного из основателей французской «школы Анналов», знаменовавшей переход к «новой исторической науке» и «теории ментальностей», в любую эпоху в каждой культуре в рамках «коллективного мышления» вырабатывается главенствующее представление об окружающем мире, которое, в свою очередь, влияет на общественные процессы, являясь безусловным цивилизационным фактором. Реакция общества на происходящие события и принимаемые решения в большей степени объясняется тем невысказанным требованием, которое возникает в коллективном подсознании, а не логикой или системой личных интересов².

Несмотря на недостаточную определенность термина «ментальность», обращение к изучению мыслительных установок и восприятий представителей конкретных культур и цивилизаций является перспективным: несомненно, что невозможно понять человека другой эпохи и другой культуры, его помыслы и поступки, применяя к нему современные оценки, выработанные в том или ином обществе, поскольку картина мира зависит от многих факторов, которые в каждую историческую эпоху и в каждой цивилизации варьируют (другими словами, человеческое сознание исторично)³.

В конце 1960-х – 1970-е гг. в историографии появилась новая научная школа, изучающая природу коллективных представлений и их образы, специфику культурных стереотипов и представлений социальных групп о себе и других – имагология. В рамках исторической имагологии интересующая нас проблематика «мы – они» занимает ведущее место и

---

¹ Гусева Н.С. Указ. соч. – С. 34-35.

² Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Пер. с фр. Б.А. Ситникова. – М.: Изд-во «Весь мир», 2008. – С. 52. См. также: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр. Е.М. Лысенко. – М.: Наука, 1986. – С. 104-105

³ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов»... – С. 391-392; Кром М.М. Историческая антропология: Учебное пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. – М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. – С. 32-36.

понимается как культурная универсалия¹. В этой связи нельзя не упомянуть исследование Д.И. Антонов, М.Р. Майзульса, посвященное исследованию образа демонов и грешников в древнерусской иконографии и выявляющее оппозицию «друг – враг» в системе русских средневековых представлений².

Понятие «другого», по мнению С.И. Лучицкой, расширило возможности исследователей. В рамках медиевистики была сделана удачная попытка изучить «иное Средневековье»: в поле зрения историков попали маргинальные слои самого европейского общества и «чужаки», проживающие как в самой Европе, так и за ее пределами. Общая черта этой новой историографии – раскрытие субъективной картины мира, переоценка традиционной источниковой базы³. Интересно, что выработанная в современной исторической науке методология нашла применение в рамках других гуманитарных дисциплин, в частности, в политологии. Так, политолог В.Е. Морозов отмечает, что формирование любой идентичности связано с проведением границы между «Мы» и «Другим», поскольку осознание собственной индивидуальности невозможно без оценки «Другого», сопоставления себя с ним⁴.

Таким образом, используя методологию, выработанную современной наукой для характеристики оппозиции «мы – они», попытаемся проанализировать источники Четвертого Крестового похода. С точки зрения О.А. Манухиной, в рамках исследований подобного рода необходимо вести речь о «средневековом оценочном дискурсе» – особом виде дискурса,

---

¹ Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – С. 251-252, 261.

² Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. – М.: Издательство «Индрик», 2011. – 384 с.

³ Лучицкая С.И. Образ Другого... – С. 14-15.

⁴ Морозов В.Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 9-10.

отражающем картину мира средневекового человека, систему его ценностей и имеющем свои коммуникативные цели¹.

Как уже отмечалось, анализу должны быть подвергнуты те суждения и оценки, которые даются крестоносцами византийским реалиям, византийским политическим деятелям и ромейскому населению. Нас в большей мере интересует не то, *что* сказали хронисты, а *как* они это сказали; какой образ Византийской империи для себя и для читателя создали Жоффруа де Виллардуэн и Робер де Клари; с помощью каких средств достигается хронистами «эффект реальности» и каким нарративным моделям они следуют, чтобы визуализировать, осмыслить происходящее под стенами Константинополя.

---

¹ Манухина А.О. Старофранцузская хроника как образец средневекового оценочного дискурса (на материале сочинений Ж. де Вильардуэна и Р. де Клари) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 643. – С. 84-85.

ГЛАВА II. ПРАВОСЛАВНАЯ ВИЗАНТИЯ И ВИЗАНТИЙСКИЕ ГРЕКИ В ХРОНИКАХ ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

2.1 Ромейское государство: структура власти, политические и военные институты, система взаимоотношений «император – бюрократия – армия – народ»

В рамках данного параграфа необходимо посмотреть на Византийскую империю глазами крестоносных хронистов. Представляется важным понять, какой они видят саму структуру власти в Византии, как складывается система взаимоотношений между ромейским василевсом и столичной бюрократией, армией и ее стратигами, и как государство взаимодействует с простым народом Константинополя. Следует также понять специфику отношения западных рыцарей к представителям разных страт ромейского социума).

Следует обратить внимание на то, что политическая доктрина Византии предполагала, что глава империи обладал августейшим титулом и считался «императором и самодержцем римлян» и, с точки зрения преемственности власти, был прямым преемником первого римского императора Августа (31 г. до н.э. – 14 г. н.э.), правление которого совпало с рождением Христа. Поэтому считалось, что византийский император занимает особое место среди христианских монархов и что в идеале его правление должно охватывать весь христианский мир, как это было при первом христианском императоре Константине Великом (306-337 гг.)¹.

В Хрониках крестоносцев эта теория вовсе не отвергается. В целом и Жоффруа де Виллардуэн, и Робер де Клари относятся к ромейским василевсам с почтением (и это несмотря на то, что взаимоотношения с византийскими властями у крестоносцев в период их нахождения в предместьях византийской столицы и в самом городе были весьма непростыми): критике могла подвергаться личность отдельного императора,

---

¹ *Harris J. The End of Byzantium. – Yale University Press, 2011. – P. 23-24.*

а не его властные полномочия (вероятно, здесь мы наблюдаем наложение французских представлений об оммаже и фуа на византийские реалии: если сюзерен выполняет условия клятвы с вассалами, то и выступления против него невозможны).

Сообщая о событиях 1203 г., Жоффруа де Виллардуэн подчеркивает, что, когда василевс Алексей IV, сын Исаака II Ангела, приведенный к власти крестоносцами, устанавливал свою власть в балканских имперских фемах, он принимал у местных феодалов «ленную присягу и оммаж» как сеньору (де Виллардуэн, 202). Очевидно, что не очень разбираясь в византийских реалиях, хронист проецирует европейскую реальность на Ромейскую империю.

Как уже отмечалось, первая встреча наших хронистов с византийской знатью состоялась в августе 1202 г., когда в лагерь крестоносцев прибывает сын свергнутого императора Исаака II Ангела (Сюрсака у Жоффруа де Виллардуэна, Кирсака у Робера де Клари) Алексей (де Виллардуэн, 70-71; де Клари, XVII). По мнению обоих хронистов, просьба Алексея о восстановлении его отца и его самого на византийском престоле была вполне законна, поскольку узурпатор – Алексей III – нарушил кодекс рыцарской чести, поскольку, будучи выкуплен своим братом из сельджукского плена, изменил ему и захватил трон.

В рамках сюжета о первом византийском посольстве в лагерь крестоносцев Робер де Клари рассказывает предысторию столкновения Исаака II и Алексея III и сообщает интересные факты правления Мануила I, важные для нашего исследования: «Был в Константинополе император по имени Мануил. Этот император был поистине *доблестным* человеком и самым богатым из всех христианских государей, которые когда-либо были на свете, и *самым щедрым*; и никогда не случалось, чтобы кто-нибудь, *живший по римскому закону* (*курсив наш – Н.Ш.*), обращаясь к нему за денежной помощью, уходил без того, чтобы тот не повелел выдать ему 100 марок...» (де Клари, XVIII). Хронист отмечает как раз те качества, которыми должен

обладать европейский сюзерен (и, прежде всего, король), и приводит ответ самодержавного императора своим вельможам (здесь автор опять использует терминологию, характерную для феодальной Европы, называя византийских синклитиков сеньорами и, фактически, вассалами императора): «Есть только два существа, которые вправе давать: Господь Бог и я» (де Клари, XVIII).

Вообще же в хрониках крестоносцев практически отсутствуют греческие названия высших византийских должностей. Только единожды, сообщая о выходе крестоносного флота из крепости Скутари на азиатском берегу Босфора, Жоффруа де Виллардуэн упоминает о греческом адмирале флота – «мегадуке», однако тут же сообщает, что в его подчинении находилось около 500 рыцарей-греков (де Виллардуэн, 139). Следует также отметить, что в греческой армии особо выделяются императорские гвардейцы, традиционно нанятые из северных (норманнских) стран, и обозначаемые хронистами как «датчане» и «англы» (де Виллардуэн, 185). О данах, англах и людях других наций говорит и Робер де Клари. Причем даны и англы противопоставляются собственно грекам. Вероятно и здесь речь идет о «варяжской» гвардии императора, упоминаемой в византийских источниках и рассмотренной в современной византистике¹. Хронист передает слова гвардейских офицеров: «все греки [стратиги, воины и чиновники высших рангов] бежали и в городе никого не осталось, кроме бедного люда» (де Клари, LXXX).

Повествуя далее о предательстве Андроника (Андрома у де Клари) и смерти Мануила, Робер де Клари использует еще один французский термин – «бальи» (во Франции это чиновник высшего ранга с судебными функциями, распространяющих юрисдикцию на выделенную ему область – бальяж) (де Клари, XX). Характеризуя деятельность Андроника в ранге императора, хронист использует византийскую традицию, которая дошла до нас благодаря «Истории» Никиты Хониата²: новый император правит как тиран,

---

¹ Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV-XII вв.) – СПб.: «Евразия», 2013. – С. 417.

² Бибииков М.В. Указ. соч. – С. 200.

ослепляя и уничтожая своих противников и просто недовольных режимом (де Клари, XX).

Вообще же для западных хронистов проблема рыцарской чести была основной, поэтому византийские реалии, связанные с борьбой за власть и нарушением всяческих взятых на себя обязательств, оценивались весьма негативно. Именно поэтому василевсы, нарушающие данные ими клятвы, оцениваются и Робером де Клари, и Жоффруа де Виллардуэном как «предатели»: «Император Алексей бросил в тюрьму своего брата-императора и выколол ему глаза, и стал императором с помощью *предательства*» (де Виллардуэн, 10); «Император Константинопольский Исаак, который отобрал у своего брата Константинопольскую империю с помощью *предательства*» (де Клари, XVII). Предательство, по мнению крестоносных хронистов, и будет главной причиной отклонения французов от основной цели похода. Как отмечает А.О. Манухина, столь внимательное отношение к данным клятвам и сохранению сословной чести позволяют довольно четко провести бинарную оппозицию по оси «плохой – хороший»: «греческие императоры» / «руководители Четвертого Крестового похода»¹.

Как отмечается в историографии, концепция «хорошего» богоизбранного императора наследуется Византией из античного Рима и связана с целым набором требований к нему со стороны подданных (справедливость, благочестие, щедрость, искренность)².

Описывая приход к власти Исаака II Ангела (Кирсака), Робер де Клари останавливается еще на одной византийской политической традиции: нового василевса избирает восставшая константинопольская толпа (вполне римский принцип, сохранившийся в средневековой Византии), она же фактически принуждает патриарха короновать его в храме Св. Софии (де Клари, XXII-

---

¹ Манухина А.О. Старофранцузская хроника как образец средневекового оценочного дискурса (на материале сочинений Ж. де Виллардуэна и Р. де Клари) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 643. – С. 88-89.

² Гийу А. Византийская цивилизация / Пер. с фр. В. Лоевского. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – С. 102.

XXIV). Предсказуемым представляется также и ответ Исаака: он приказывает одарить константинопольцев, открыв ворота Большого и Влахернского дворцов, а также выдает им на суд самого Андроника (де Клари, XXIV-XXV).

Ситуация повторяется накануне падения Константинополя в апреле 1204 г., когда после бегства Мурцуфла византийцы возводят на престол Константина Ласкариса (Ласкер у Робера де Клари), который «...не отважился там остаться, а еще до восхода сел на галеру, переплыл рукав Св. Георгия и уехал в Никею Великую», где и стал первым василевсом Никейской империи (де Клари, LXXIX).

Вообще же частые перевороты действительно были типичны для Византии начиная с эпохи Раннего Средневековья: причем их движущими силами могли выступить как войска, так и члены собственной семьи и даже константинопольский плебс¹.

Интересно, что Жоффруа де Виллардуэн дополняет свидетельства Робера де Клари: рассказывая о возвращении царевича Алексея, он отмечает, что Алексею клянутся в верности как своему сеньору жители Диррахия (де Виллардуэн, 111). Кроме того, уже у стен Константинополя, представляя царевича жителям византийской столицы, хронист объясняет участие крестоносцев в борьбе за ромейский престол. Он апеллирует к несправедному и греховному захвату престола Алексеем III, выступившим «...против Бога и против справедливости», и называет царевича «законным сеньором» византийцев (де Виллардуэн, 143; 146).

У Жоффруа де Виллардуэна мы также находим сведения об участии горожан в возведении на престол нового императора: после бегства Алексея III константинопольцы освобождают из темницы ослепленного Исаака II Ангела, сопровождают во Влахернский дворец, сажают на трон и приносят клятву как сеньору (де Виллардуэн, 182). Позже по общему согласию вождей крестоносцев и константинопольской знати произошла коронация

---

¹ См.: Гийу А. Указ. соч. – С. 102.

соправителя Исаака – его сына Алексея (соправительство также является политической традицией Византии, берущей начало в римском наследии эпохи домината)¹. Как отмечает хронист, «... был коронован торжественно и с большими почестями, как короновали греческих императоров» (де Виллардуэн, 193). Приведем, однако, немного иную версию событий, приведенную в древнерусской хронике «О взятии Царьграда от фряг»: «И тогда погнался Исаакович с фрягами за цесарем Алексеем, но не догнал его, и возвратился в город, и согнал отца с престола, а сам стал цесарем: Ты, мол, слепой, как же сможешь управлять государством? Я буду цесарем!»². Примечательно, что древнерусский очевидец событий, порицая этот поступок, подбирает несколько иную аргументацию для объяснения действий Алексея IV.

Но у того же хрониста мы видим, что занятие престола сопряжено с серьезными рисками: уже зимой 1204 года «греки» (вероятно дворцовая аристократия и армия) тайно держат совет, чтобы отступить от своего сеньора – императора Алексея IV – в пользу Мурцуфла (Морчуфля у Жоффруа де Виллардуэна) (де Виллардуэн, 221). Еще более однозначно о занятии Мурцуфлом трона высказался Робер де Клари: «греки, изменники императора» сговорились учинить великую измену, ибо они хотели вместо этого поставить другого императора, который избавил бы их от французов (де Клари, LXI). «И Морчуфль с помощью и по совету прочих греков обулся в алые сапожки и стал императором. Потом его короновали в Святой Софии...» (де Виллардуэн, 222). Как отмечает древнерусский хронист, «... испугались бояре, что войдут фряги в город, и, посовещавшись с Мурчуфлом, схватили цесаря Исааковича, а Мурчуфла венчали на царство»³. Обратим внимание и на еще один интересный момент, подмеченный хронистом –

---

¹ Гийу А. Указ. соч. – С. 103.

² Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/povest-o-vztyatii-cargrada/povest-o-vzyatii-cargrada.htm> (дата обращения: 08.03.2023).

³ Там же.

красные сапожки, которые были одним из важных атрибутов императорской власти в Византии.

Обратим внимание еще на одну деталь, сообщаемую нашими хронистами: ромейские императоры прочно связаны с европейскими феодальными домами матримониальными связями. Такая практика вполне вписывается в картину мира представителя западноевропейской цивилизации (латинянина, как его называли в Византии). Да и в империи эта практика получила довольно широкое распространение. Показательно, что брак с «франками» разрешавшийся уже Константином Порфирогенетом (905-959 гг.) – автором трактата «Об управлении империей» («De administrando imperio»), широко распространился в период правления императоров династии Комнинов¹.

Уже после падения Византийской империи и латинским императорам необходимо соблюдать обычаи завоеванной страны, о которых хронисты практически ничего не говорят, но отмечают, что «...император же Бодуэн ехал всепрямом к Салоникам и прибыл к крепости под названием Христополь, <...> и она была ему сдана, и жители города присягнули ему на верность. А потом он подступил к другой крепости, которую называли Ла Бланш и которая была весьма сильной и весьма богатой; и она тоже была сдана ему, и жители принесли ему присягу верности. А оттуда он поскакал к Серрам, которые были сильным и богатым городом; и он отдался под его власть и на его волю, и жители принесли ему присягу верности. И отсюда он направился к Салоникам и расположился близ города, и пробыл там три дня; и жители сдали ему город, который был одним из самых лучших и самых богатых в христианском мире того времени, на условии, что он будет править ими сообразно правам и обычаям, по которым правили ими греческие императоры» (де Виллардуэн, 280).

---

¹ *Люттвак Э.Н.* Стратегия Византийской империи / Пер. с англ. А.Н. Ковалю. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – С. 209.

Таким образом, при описании политических и военных реалий Византийской империи наши хронисты часто уподобляют их более понятным западноевропейским (французским). В результате этого образ «другого» приобретает понятные для крестоносцев черты, а загадочная восточная империя вполне способна интегрироваться в картину мира средневекового рыцаря. Надо также отметить, что и Жоффруа де Виллардуэн, и Робер де Клари отмечают сугубо византийские детали, которые позволяют отделить византийский мир от европейского: это и особое значение императора в политической системе Византии, и роль столичной бюрократии и плебса в судьбе престола, и императорские инсигнии. Примечательно, что восприятие Ромейской империи у крестоносцев не несет четко выраженной негативной оценки: она применима скорее к отдельным личностям (императорам Алексею III, Алексею Мурцуфлу, членам византийского синклита), нежели к империи в целом и ее отдельным институтам. Часто крестоносцы и греки оказываются равными по воинским качествам и добродетелям. Византия представляется крестоносным хронистам хотя и несколько странной и экзотичной, но вполне «своей» страной, частью христианского мира.

2.2 Константинополь и его святыни в оценке участников Четвертого Крестового похода

Особое место в исследуемых нами хрониках крестоносцев отводится столице Ромейской державы – Константинополю. Несомненно, что и сам образ Византии формировался благодаря знакомству европейских рыцарей с этим великим городом, подобных которому в Европе просто не существовало: Константинополь времен Четвертого Крестового похода бесспорно являлся одним из самых больших, густонаселенных и богатых

городов средневековья¹. Р. де Клари передает мнение самих греков о том, что «... две трети земных богатств собраны в Константинополе, а треть разбросана по свету» (де Клари, LXXXI). Действительно, Константинополь был одним из самых великих городов средневекового мира, известным своим жителям как «Царица городов» (*Regina urbium*, βασιλίσσα πόλεων). Его стены охватывали площадь почти 30 000 гектаров в то время, когда Флоренция, один из крупнейших и наиболее процветающих городов Западной Европы, заключал только 630 гектаров². Как отмечает Жоффруа де Виллардуэн, город «...был хорошо укреплен высокими стенами и высокими башнями» (де Виллардуэн, 233).

План Константинополя³

Вообще же следует отметить, что оба хрониста как бы соревнуются друг с другом, описывая величие византийской столицы. Для них Константинополь – своеобразная «шкатулка чудес», о которой они пишут

¹ История Византии: В 3-х томах / Отв. ред. С.Д. Сказкин. – М.: Изд-во «Наука», 1967. Т. 3. – С. 109-110.

² *Harris J.* The End of Byzantium. – Yale University Press, 2011. – P. 24.

³ *Ibid.* – P. XIII.

весьма эмоционально и положительно. Так, Жоффруа де Виллардуэн в восхищении сообщает: «... <крестоносцы> не могли и представить себе, что на свете может существовать такой богатый город, когда увидели эти высокие стены, и эти могучие башни, которыми он весь кругом был огражден, и эти богатые дворцы, и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто не мог бы поверить, если бы не видел своими глазами, и длину, и ширину города, который превосходил все другие города» (де Виллардуэн, 128). Робер де Клари немногословен, но тоже весьма красноречив: «А потом пилигримы разглядывали громадность города, и дворцы, и богатые аббатства, и богатые монастыри, и великие чудеса, которые были в городе; и они долго дивились этому и особенно сильно дивились монастырю св. Софии и богатству, которое там было» (де Клари, LXXXIV).

Даже отдельные «этнические» кварталы, расположенные на окраинах Константинополя, по мнению хронистов превосходят все виденное ими на родине. В частности Жоффруа де Виллардуэн сообщает, что на берегу бухты Золотой Рог в районе Фанар (у Виллардуэна Эстанор) возле Галатской башни находился еврейский квартал, который «образует целый город, очень красивый и очень богатый» (де Виллардуэн, 159). Интересно, что здесь же наш информатор упоминает еще об одном инженерном «чуде» – о цепи, которая замыкала вход кораблям в главный константинопольский порт (де Виллардуэн, 159).

О величине города, которая так поразила авторов Хроник, мы можем судить из описания Жоффруа де Виллардуэном пожара, произошедшего в Константинополе в 1203 г. после первой его осады, когда основная часть войска крестоносцев и сам император Алексей IV приводили к покорности византийские провинции. По его словам, лидеры крестоносцев были весьма огорчены, видя как горят высокие церкви, богатейшие дворцы и целые торговые улицы (де Виллардуэн, 204), что подтверждает наше наблюдение о благожелательном отношении крестоносцев к византийской столице. Еще

более показателен отрывок, в котором говорится о третьем со времени прихода рыцарей в город пожаре (1204 г.): в этом пожаре сгорело больше домов, чем их находится в трех крупнейших городах Франции (де Виллардуэн, 247).

В прямом соответствии с величиной города находится и величина накопленных в нем богатств: после захвата Константинополя в апреле 1204 г. крестоносцы получили огромную добычу, которую снесли в один из столичных монастырей (скорее всего, в монастырь Пантократора). Робер де Клари сообщает, что количество предметов роскоши, златотканых тканей, церковной утвари, дорогих вещей из дворцов и домов горожан было столь велико, что «...ни во времена Александра, ни во времена Карла Великого, ни до, ни после; сам же я думаю, что и в 40 самых богатых городах мира едва ли нашлось бы столько добра, сколько было найдено в Константинополе» (де Клари, LXXXI). Мы видим, что и здесь повествование не несет какой-либо негативной оценки: хронист эмоционально выражает свой восторг и, возможно, наполняется гордостью, ведь весь город оказался в собственности крестоносцев. С Робером де Клари соглашается и второй из наших хронистов, отмечающий, что «...со времени сотворения мира никогда не было в одном городе захвачено столько добычи, и велика была радость из-за чести и победы, которую им дал Бог, ибо те, кто находился в бедности, теперь пребывали в богатстве и роскоши» (де Виллардуэн, 250).

Особое внимание уделено крестоносными хронистами гододской архитектуре и городскому благоустройству. В частности, интересные сведения в рамках нашего исследования они сообщают об императорских дворцах и домах знати. Наиболее обстоятельно описаны авторами хроник крестоносцев два дворца, являвшихся резиденциями ромейских василевсов периода правления династии Комнинов-Ангелов. Прежде всего, это Влахернский дворцовый комплекс, находящийся в северо-западном углу города, возле Харисийских (Адрианопольских) ворот. Именно в этом дворце происходят торжественные приемы и церемонии, здесь обычно проживают

византийские императоры с их семьями, и у его стен крестоносцы расположили свой лагерь. Как отмечает Жоффруа де Виллардуэн, в «знатном дворце» Влахерны принял присягу от своих подданных возвращенный на престол император Исаак II Ангел (де Виллардуэн, 182).

Робер де Клари останавливается на характеристике другого императорского дворца – Вуколеон, находящегося в центре города и выходящего на Мраморное море. Собственно говоря, этот дворцовый комплекс европейские рыцари называли «Львиная пасть» (либо благодаря барельефу, изображающему льва, разрывающего быка, либо исходя из созвучия греческого названия с старофранцузским сочетанием «буш» – «пасть» и «лион» – «лев»). Хронист сообщает, что сам дворец занимал практически целый квартал, состоял из более чем пяти тысяч комнат и покоев, богато украшенных золотой мозаикой. Кроме того, комплекс включал в себя более тридцати больших и малых (семейных) церквей и часовен, среди которых выделялась так называемая Святая Церковь, «...которая была столь богатой и благородной, что не было там ни одной дверной петли, ни одной задвижки, словом, никакой части, которые обычно делаются из железа и которые не были бы целиком из серебра, и там не было ни одного столпа, который не был бы либо из яшмы, либо из порфира, либо из других богатых драгоценных камней» (де Клари, LXXXII). Дальнейшее описание данной церкви также возвышено и превосходно, что позволяет говорить о том, что крестоносные хронисты представляют себе Константинополь как действительно самый великолепный центр не только Византии, но и всего христианского мира.

Упоминает о Вуколеоне в связи с коронацией первого латинского императора Бодуэна в 1204 г. и Жоффруа де Виллардуэн, соглашаясь с Робером де Клари, что после коронации состоялось пиршество во дворце «Львиная Пасть», который «столь великолепный, что никогда не видели ничего более великолепного» (де Виллардуэн, 263).

Мы видим, что особым объектом восхищения хронистов (прежде всего более эмоционального Робера де Клари) являются многочисленные церкви и монастыри византийской столицы. Среди них особо выделяется храм Святой Софии. Робер де Клари отмечает, что уже в первые дни, проведенные у стен византийской столицы, «пилигримы» дивились огромным городом, богатым «аббатствам» и монастырям (здесь мы вновь сталкиваемся с европейской терминологией, которую использует хронист при описании ромейских реалий, как бы адаптируя увиденное для понимания, а также делая его частью своей картины мира), «...особенно сильно дивились монастырю св. Софии и богатству, которое там было» (де Клари, LXXXIV). Далее крестоносец пускается в пространное повествование о самом храме и его чудесах, по-своему интерпретируя те сведения, которые он получил от своих сослуживцев и, может быть, от греков (хотя, судя по всему, греческим языком он либо не владел, либо владел очень плохо). Так, объясняя название храма, он говорит, что «Агиа София» по-гречески равнозначна французской «Святой Троице» (де Клари, LXXXV). Рассказывая о богатом внутреннем убранстве собора, Робер де Клари останавливается на комментировании местных поверий, которые, вероятно, были усвоены и франкскими воинами. Так, порфиновые колонны центрального нефа приносили исцеление (причем каждая – свое): «тот <столп> исцелял от боли в пояснице, когда об него терлись, тот исцелял от боли в боку...» (де Клари, LXXXV).

Интересным представляется также сообщение Робера де Клари о церкви всех Апостолов, возведенной при императоре Константине Великом в IV в. (сейчас на этом месте находится мечеть Фатих, построенная по приказу завоевателя Константинополя Мехмеда II). Он, называя храм «монастырем Семи Апостолов», пишет, что тот был еще более богатым и красивым, чем собор Святой Софии, а знаменит он был погребениями апостолов, а также императрицы Елены и императора Константина I (де Клари, LXXXVII). Действительно, храм являлся некрополем для византийских императоров вплоть до X века. Здесь же находился мраморный столп, который предание

связывало с казнью Христа: к нему Господь был привязан перед тем, как Его повели на распятие (де Клари, LXXXVII).

Но не только дворцам и храмам хронисты посвящают главы в своих манускриптах. В сферу их внимания входят также и другие сооружения – крепостные стены и башни, дома знати и богатых горожан, публичные постройки. Так, Робер де Клари останавливается на описании таких диковин как: золотой шар, выполнявший функцию громоотвода на воротах под названием «Золотой покров»; сами Золотые Ворота (как прототип всех остальных Золотых ворот в разных регионах христианского мира), украшенные огромными медными слонами и открывающиеся только при возвращении императора после удачной военной кампании (императора при этом провозили на золотой колеснице на троне и везли до самого дворца); медные животные, украшающие императорское «Игралище» (вероятно Ипподром, расположенный напротив храма Св. Софии и украшенный античными артефактами, свезенными в Константинополь из Греции и Малой Азии), и многие другие архитектурные чудеса (де Клари, LXXXIX-XCII).

После Робер де Клари, являющийся главным путеводителем читателя по городу (его соратник – Жоффруа де Виллардуэн – более практичен и, соответственно, лаконичен), переходит к описанию многочисленных святынь и священных артефактов, наполнявших главный город восточных христиан. Он с пиететом сообщает о фрагментах Креста Господнего, о сосуде с Кровью Спасителя, гвоздях которыми Он был распят, части одеяния Девы Марии (Покрове Богородицы), главе Иоанна Предтечи, полотне с нерукотворным образом Спасителя (современная Туринская плащаница, вывезенная крестоносцами, как и многие другие реликвии, из Константинополя в Европу) (де Клари, LXXXII, LXXXIX-XCII). Следует также обратить внимание на рассказ хрониста о мироточивом образе св. Димитрия, «написанном на доске» (так Робер обозначает икону, не столь распространенную в традиции Западной Церкви): с образа стекало масло, и

его едва успевали вытирать, как оно начинало снова течь (де Клари, LXXXIII).

Таким образом, можно констатировать, что древний Константинополь произвел неизгладимое впечатление на участников Четвертого Крестового похода своей величиной и многолюдием, богатством и благоустроенностью, наличием бесчисленных архитектурных и иных памятников, связывающих христианскую византийскую столицу с греко-римской античностью и ранним христианством, большим количеством святынь, имевших высокую значимость в христианском мире. Наиболее информативный Робер де Клари с большим восхищением описывает «чудеса» которые были встречены им в столице Восточной Римской империи (и в этой части его хроника больше похожа на путеводитель по городу). Примечательно, что Клари – хороший наблюдатель: он использует греческие предания, опрашивает местное население и имеет своих ромейских информаторов.

Интересно, что, восхищаясь христианским Константинополем, крестоносные хронисты отмечают, что они пришли в Город совершенно законно – как союзники императора (не завоевывать, а восстанавливать порядок и справедливость, возвращая на трон законную династию Комнинов). А захват и разграбление города – лишь стечение обстоятельств, подготовленное вероломными греками, которые обманом пытались использовать пилигримов в собственных корыстных интересах. Именно поэтому и завоевание, случившееся в результате похода, вполне закономерный результат, совпадающий с волей Бога и Его промыслом. Как замечает Жоффруа де Виллардуэн, рыцарям-крестоносцам лишь с Божией помощью удалось одолеть Византию, ведь их было всего 20 тысяч человек против более чем 400 тысяч византийцев, которые обороняли самый укрепленный город в мире (де Виллардуэн, 250-251).

2.3 Моральные качества и благочестие греков, отношение к европейским «пилигримам». Греческая Церковь в Хрониках Четвертого Крестового похода

Последний параграф нашего исследования мы посвятим выяснению того, какими видят наши информаторы византийцев, и того, какое место в крестоносных хрониках отводится сведениям о греческой Православной Церкви.

Как уже отмечалось, отношение крестоносцев к византийцам было весьма неоднозначным. Действительно, с одной стороны, они являлись христианами и союзниками против мусульман (кроме того, существовал запрет римского первосвященника воевать против восточных единоверцев), с другой – уже со времени Первого Крестового похода византийцы рассматривались как союзники ненадежные и коварные¹. Вместе с тем, в Хрониках крестоносцев мы не так часто можем увидеть обобщающие суждения о «греках вообще», скорее хронисты указывают на порочность или, наоборот, праведность и справедливость отдельных личностей.

Отличие рыцарского благородства, основанного на идее чести (*honor*) и верности (*foi*), от греческого коварства и злокозненности, тем не менее, мы можем увидеть в уже упомянутом рассказе Робера де Клари об императоре Мануиле I Комнине, который отдавал предпочтение франкам, нежели своим «природным» подданным. Именно этот факт привел его в ссоре со своими вельможами, которые, в нарушение принятому в Европе правилу, грозят государю покинуть его, если он не выполнит их желание изгнать латинян: «Ах, государь, коли вы это сделаете, мы станем вам вернейшими слугами» (де Клари, XVIII). Предпринятая Мануилом хитрость (притворная высылка французов и спровоцированная стычка с греческими отрядами, которые бежали при виде рыцарей, бросив своего императора на произвол судьбы)

---

¹ Writing the Early Crusades: text, transmission and memory / Ed. by M. Bull and D. Kempf. – The Boydell Press, Woodbridge, 2014. – P. 48-49.

убедила всех в том, что европейцы морально выше, нежели византийцы (в этом, по крайней мере, хочет убедить нас автор) (де Клари, XVIII).

Показателен также и случай с Андроником: когда его убивает Исаак, константинопольский народ признает его поступок доблестным, а его самого – отважным. Далее Робер де Клари с некоторым сарказмом отмечает, что толпа решила для себя: «Сотворим же доброе дело! Сделаем этого рыцаря императором!» (де Клари, XX). Далее ситуация еще более усложняется: народ посылает за патриархом под угрозой казни принуждает его провести обряд коронации: «... и вот патриарх облачился в свои священнические одеяния и, хотел он того или нет, короновал его» (де Клари, XX).

Да и сам Андроник, пришедший к власти в результате заговора против своего сеньора, ни кто иной как «предатель и убийца» (де Клари, XXI), поступающий соответственным образом: «Когда Андром был коронован, то повелел незамедлительно схватить всех тех, кто ... считал худым делом, что он стал императором, и приказал выколоть им глаза, и замучить их и погубить их лютой смертью. <...> И он совершил столько других великих беззаконий, сколько ни один предатель и ни один убийца никогда не совершали» (де Клари, XXI).

В дальнейшем Робер де Клари практически повторяет историю злокозненных дел византийцев, повествуя о распри между Алексеем III и Исааком, которая закончилась ослеплением последнего и воцарением Алексея (де Клари, XXVIII).

Похожую характеристику дает грекам и Жоффруа де Виллардуэн, описывая деятельность Алексея IV, ради которого, по официальной версии, и пришлось изменить цель Крестового похода и, придя в Константинополь, посадить его и его отца Исаака II на престол: византийцы, тяготившиеся засильем в стране франков, собираются на тайный совет, «чтобы предать своего сеньора» и пригласить Алексея Дуку Мурцуфла править ими (де Виллардуэн, 221). Мурцуфл действительно становится ромейским василевсом, хотя был обязан Алексею IV жизнью и свободой. «Подумать

только, ведь никогда никем не было совершено столь ужасное предательство» – заключает хронист (де Виллардуэн, 222).

Уже после победы над Константинополем и после основания Латинской империи Жоффруа де Виллардуэн свидетельствует о событиях, в которых греческие подданные нового императора показали себя, с точки зрения хрониста, не с лучшей стороны. «Но греки, *которым весьма свойственна была неверность (Курсив наш – Н.Ш.),* не исторгли притворства из своих сердец» –. начинает Виллардуэн свое повествование. Они предложили болгарскому царю Иоанну отложиться от франков и перейти на его сторону (де Виллардуэн, 333). На первый взгляд такой поступок можно оценить позитивно, поскольку крестоносцы представляли собой завоевателей, тогда как болгары были соседями, с которыми византийцы давно выстраивали взаимоотношения (да и принадлежали болгары к той же византийской ойкумене, что и сами греки), однако с точки зрения европейской средневековой системы ценностей такие действия подпадали, опять же, под нарушение верности договору и сеньору. Ведь в самой Европе французский рыцарь вполне мог быть вассалом английского короля и выступать вместе со своим сеньором против соотечественников. Честь и верность – две моральные категории, на которых держалось феодальное рыцарское общество (в данном случае мы говорим именно о системе базовых ценностей, а не об ее конкретной реализации: в действительности все могло быть не так патетично, однако система оценки оставалась неизменной: предательство своего сеньора – не просто преступление, но и грех, поскольку сама клятва верности осуществлялась в церкви и визировалась священником)¹.

В этой связи интересным представляется еще одно сообщение Жоффруа де Виллардуэна, который отмечает, что по приказу императора Бодуэна Константинопольского латиняне во главе с братом императора

---

¹ Блок М. Феодальное общество... – С. 310-312, 431-434.

подчиняли себе окрестные земли, и «... греки принесли ему клятву верности, клятву, которую в те времена держали худо» (де Виллардуэн, 390-391).

Нарушением же договоренностей, по мнению Робера де Клари, была также и невыплата византийским императорами Исааком II и Алексеем IV обещанной крестоносцам суммы за возвращение престола. Хронист отмечает, что греки просто обманывали крестоносное воинство и его предводителей, используя рыцарей для утверждения своей власти в столице и провинциях, но ссылаясь на то, что денег в казне на данный момент нет: принцип «*pacata sunt servanda*», лежащий в основе «оммажа» и «фуа», должен был, по мнению франков, быть непреложным и во взаимоотношениях с правителями ромеев. «Когда эта отсрочка истекла и французы увидели, что император не собирается что-либо платить им, – сообщает Робер де Клари – ... все графы и прочие знатные люди войска собрались вместе и отправились в императорский дворец и вновь потребовали причитавшейся им платы. А император ответил им, что, какие бы доводы ему ни выставляли, он никак не может им уплатить, бароны же ответили ему, что коли он им не заплатит, то они доберутся до его добра, чтобы самим себе заплатить» (де Клари, LVII-LIX).

Такое непостоянство византийцев проявляет себя не только в рамках публичной жизни, но и частной. Жоффруа де Виллардуэн приводит следующий рассказ из своей жизни в Латинской Романии: местный греческий феодал принес ему присягу, однако сын этого грека выступил против Виллардуэна, подговорив восстать и завоеванные ранее города (де Виллардуэн, 390-391)

Еще одним важным аспектом темы является оценка крестоносцами Греческой Православной Церкви. Как уже было отмечено в первой главе, крестоносные хроники в большей степени являются светскими повествованиями, поэтому большого объема информации по этому вопросу в них нет. Вместе с тем, некоторые сведения мы все же можем прокомментировать.

Ни Жоффруа де Виллардуэн, ни Робер де Клари не противопоставляют Западную церковь Восточной, и споры о догматах и инвеституре их, казалось бы, вовсе не интересуют, поэтому мнение современных исследователей, считающих XII век веком углубления конфессионального конфликта между Западом и Востоком¹, не вполне подходит для решения проблем темы. Вместе с тем, и тот, и другой хронисты отмечают, что Византия должна признать власть римского понтифика: «Прежде всего, коли угодно будет Богу, чтобы вы возвратили царевичу его наследие, он поставит всю империю Романии в подчинение Риму, от которого она некогда отложились» (де Виллардуэн, 93); «Прежде всего <нужно> поставить всю империю Романии в повиновение Риму, от которого она некогда отпала» (де Виллардуэн, 188). Следует подчеркнуть, что, с точки зрения латинского воинства, конфликт между Римом и Константинополем спровоцировали греки, ранее, якобы, ему в той или иной мере подчиняющиеся. Опять же мы видим здесь представление о том, что многочисленные феодальные владения и местные приходы подчиняются одному римскому патриарху, исполняющему роль всеевропейского арбитра, поэтому и греки, будучи христианами, по мнению хронистов когда-то входили в орбиту римского влияния.

Следует также подчеркнуть, что, находясь в Константинополе, европейские рыцари, по мнению хронистов, не вмешивались в церковные дела, признавая юрисдикцию константинопольского патриарха, почитали христианские святыни столь же горячо, что и их восточные единоверцы (что, впрочем, не помешало позже все разграбить): об этом говорят и тот восторг, который испытывают франки перед византийской культовой архитектурой и религиозным искусством, и почитание мощей и священных реликвий, и вера в чудеса, ими творимые.

Оценивая взгляды крестоносцев на Константинопольскую Церковь, нельзя не привести еще один факт, сообщаемый Робером де Клари. Во время

---

¹ См., например: Панадакис А., Мейендорф И., *прот.* Христианский Восток и возвышение папства: Церковь в 1071-1453 гг. / Пер. с англ. А.В. Левитского, У.С. Рахновской, А.А. Чеха. – М.: Православ. Св.-Тихонов. гуманитар, ун-т, 2010. – С. 146-147.

осады Константинополя весной 1204 г. Анри Фландрский столкнулся с войсками Алексея Мурцуфла у города Филеи недалеко от византийской столицы. Традиционно византийские стратиоты пошли в бой под сенью иконы Божией Матери, поскольку, как подчеркивает хронист, «...императоры имели обыкновение брать ее с собою, когда шли на бой; и они питали такую великую веру в эту икону, что были уверены, будто ни один человек, который берет ее с собой в бой, не может потерпеть поражение» (де Клари LXVI). Однако византийцы во главе с Мурцуфлом терпят поражение и теряют реликвию: рыцари и войсковое духовенство благоговейно принимают икону и передают ее епископу Труа, помещают в церковь, которой пользовались, и воздают ей почести. Именно утрата иконы во многом обеспечила поражение Мурцуфла: узнав об утрате святыни, византийцы отвернулись от него (де Клари LXVI-LXVIII).

Подводя итоги параграфу, следует отметить, что византийцы в понимании европейских рыцарей, хоть и являются христианами и принадлежат к общей христианской ойкумене, существенным образом отличаются от своих западных единоверцев, отступая от паттернов, являющихся базовыми для цивилизации Средневекового Запада. Они не выполняют взятые на себя обязательства, склонны к предательству и злокозненности; им нельзя доверять. Греческая Православная Церковь по мнению хронистов является частью единой Церкви, временно отпавшей от римского папского престола. При этом жесткого противостояния по вопросам веры и поклонения мы не наблюдаем, наоборот, латиняне почитают те же святыни, что и сами византийцы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы.

Крестовые походы являются многоаспектным и глобальным феноменом средневекового мира, без которого невозможно понимание основ современной европейской цивилизации, поэтому, как и большинство сложных явлений, Крестовые походы получили разную интерпретацию в отечественной и зарубежной исследовательской литературе. Во многом это связано как с методологическими установками авторов и целями их исследований, но и с объемом и характером той источниковой базы, на которой создаются новые концепции и появляются новые направления медиевистических исследований.

Одним из таких направлений следует признать историческую имагологию (от лат. *imago* – образ, лик, личина), которая позволяет провести интерпретацию образа «другого», понять, как происходит проведение границ в бинарных социальных системах, выстроенных по принципу «мы – они», выявить набор маркеров, которые позволили бы определить степень «инаковости» и, соответственно, выработать наиболее приемлемые способы взаимоотношений с этими «другими». Очевидно, что сам интерес к оценке «другого» присущ всем без исключения эпохам, поскольку в реальной жизни конструирование любого этнического, политического и культурного сообщества предполагает появление и развитие самосознания, отделяющее это сообщество от других подобных общественных систем. Любая самоидентификация возможна только с осознания своей индивидуальности и «инаковости» соседа, чьи интересы и ценности в той или иной мере учитываются или отвергаются представителями формирующегося (или сформировавшегося) культурного сообщества, и с которым выстраивается сложная система взаимоотношений.

Выбор эпохи XII-XIII вв. тоже не является случайным, поскольку именно в это время расширяется сама западноевропейская «ойкумена» и появляется устойчивый интерес к описанию и оценке представителей восточных христианских цивилизаций (прежде всего православных византийцев) и мусульман, а также к выявлению окружающей их культурной среды. В период Четвертого Крестового похода складывание новой культурно-исторической дихотомии довольно четко отделило западноевропейскую цивилизацию Высокого Средневековья от христианской же цивилизации Византии и византийского культурно-религиозного ареала в целом.

Западноевропейские хронисты – участники Четвертого Крестового похода – дают умеренно-негативный образ византийцев, отмечая их низкие моральные качества и недостаточное благочестие, но восхищаясь богатством византийской столицы, ее укреплениями и культовыми сооружениями, количеством накопленных греками святынь и реликвий. Во многом это определяется той системой ценностей, которая сложилась в феодальной Европе к эпохе Высокого Средневековья (XI-XIII вв.). Определяющими маркерами этой системы выступает «верность» вассала сеньору и наоборот, а также «справедливость», рассматриваемая как универсальная категория, объемлющая межличностные отношения. Именно нарушение «верности» (в частности принятым на себя обязательствам) привело крестоносцев в этой системе координат к захвату Константинополя (так и мыслится справедливость в данной конкретной ситуации). Следует отметить, что отношение крестоносцев к византийцам как к несколько отличным от них единоверцам контрастирует с более жесткой и уничижительной оценкой представителей Запада самими византийцами (в частности, византийской элитой), которые видели в европейских рыцарях прежде всего варваров, нацеленных исключительно на грабеж и применение грубой силы для достижения своих целей.

Интересно, что рисуя «портрет» византийской цивилизации, средневековые хронисты не стремятся жестко противопоставить свой мир греческому: они используют западную лексику и терминологию, западные представления для того, чтобы «вписать» восточнохристианское общество в свою систему видения мира: в интерпретации Жоффруа де Виллардуэна и Робера де Клари Греческая империя предстает перед нами как политическое и культурное сообщество, отличное от западноевропейского, но все же являющейся частью универсальной христианской ойкумены. Оценивая достижения византийских греков, крестоносные хронисты искренне восхищаются ими: недаром Константинополь у Робера де Клари представляет собой своего рода волшебную шкатулку, наполненную всяческими чудесами. Показательно также, что все эти «чудеса» оказываются после завоевания Византии в Европе как заслуженный трофей, доставшийся крестоносцам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. *Жоффруа де Виллардуэн*. Завоевание Константинополя / Перевод, статья и комментарии М.А. Заборова. – М.: Наука, 1993. – 126 с.
2. *Робер де Клари*. Завоевание Константинополя / Перевод, статья и комментарии М.А. Заборова. – М.: Наука, 1986. – 175 с.
3. *Никиты Хониата* История со времен царствования Иоанна Комнина. Том 2 (1186-1206) / Перевод Н.В. Чельцова // Византийские историки, переведенные с греческого при С. Петербургской Духовной Академии. – СПб.: В типографии департамента уделов, 1862. – 541, [XV] с.
4. Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/povest-o-vzyatii-cargrada/povest-o-vzyatii-cargrada.htm> (дата обращения: 08.03.2023).

Литература

Монографические исследования

5. *Акунов В.В.* История военно-монашеских орденов Европы. – М.: Вече, 2012. – 448 с.
6. *Антонов Д.И., Майзульс М.Р.* Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. – М.: Издательство «Индрик», 2011. – 384 с.
7. *Балл Х.* Византийское христианство / Пер. с немецкого А.П. Шурбелева. – СПб.: «Владимир Даль», 2008. – 382 с.
8. *Банников А.В., Морозов М.А.* Византийская армия (IV-XII вв.) – СПб.: «Евразия», 2013. – 688 с.
9. *Бибиков М.В.* Историческая литература Византии. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1998. – 317 с.
10. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр. Е.М. Лысенко. – М.: Наука, 1986. – 256 с.

11. *Блок М.* Феодальное общество / Пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.
12. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / Пер. с фр. Б.А. Ситникова. – М.: Изд-во «Весь мир», 2008. – 552 с.
13. *Васильев А.А.* История Византии. Византия и крестоносцы: Эпоха Комнинов (1081-1185) и Ангелов (1185-1204). – Пг.: Academia, 1923. – 120 с.
14. *Виймар П.* Крестовые походы: Миф и реальность священной войны / Пер. с франц. Д.Л. Журавлевой. – СПб.: Евразия, 2006. – 383, [1] с.
15. Византийская цивилизация в освещении российских ученых. Том 1: 1894-1927 / Составители: П.И. Жаворонков, Г.Г. Литаврин. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1999. – 574 с.
16. Византийская цивилизация в освещении российских ученых. Том 2: 1947-1991 / Составители: П.И. Жаворонков, Г.Г. Литаврин. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1999. – 800 с.
17. *Гийу А.* Византийская цивилизация / Пер. с фр. В. Лоевского. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 552 с.
18. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». – 2-е изд., доп. и испр. – М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 432 с.
19. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
20. *Дашков С.Б.* Императоры Византии. – М.: Издательский дом «Красная площадь», «АПС-книги», 1996. – 254 с.
21. *Дворкин А.Л.* Хроники Крестовых походов. В 4-х томах. – Т. 3. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2020. – 472 с.
22. *Добиаш-Рождественская О.А.* Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. – М.: Мир, 1991. – 112 с.

23. *Добиаш-Рождественская О.А.* Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении). Общий очерк. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – 120 с.
24. *Дюби Ж.* Европа в Средние века / Пер. с фр. М. Колесникова. – М.: Полиграмма, 1994. – 312 с.
25. *Заборов М.А.* Крестовые походы. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 279 с.
26. *Заборов М.А.* Крестоносцы на Востоке. – М.: Наука, 1980. – 320 с.
27. *Заборов М.А.* Папство и Крестовые походы. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 264 с.
28. История Византии: В 3-х томах / Отв. ред. С.Д. Сказкин. – М.: Изд-во «Наука», 1967. Т. 3. – 508 с.
29. История крестовых походов / Под редакцией Дж. Райли-Смита / Пер. с англ. Е. Дорман. – М.: Крон-пресс», 1998. – 495 с.
30. *Каждан А.П.* Никита Хониат и его время. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. – 544 с.
31. *Карпов С.П.* Латинская Романия. – СПб.: Алетейя, 2000. – 256 с.
32. *Кулидж О.* Крестовые походы. – М.: Центрполиграф, 1980. – 966 с.
33. Эпоха крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. – Смоленск: Русич, 2001. – 672 с.
34. *Лучицкая С.И.* Крестовые походы. Идея и реальность. – СПб.: «Наука», 2019. – 389 с.
35. *Лучицкая С.И.* Образ Другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. – СПб.: Алетейя, 2001. – 412 с.
36. *Люттвак Э.Н.* Стратегия Византийской империи / Пер. с англ. А.Н. Коваля. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 664 с.
37. *Майорова Е.И.* Женщины в эпоху Крестовых походов. – М.: Вече, 2012. – 675 с.

38. *Малов В.* Тайны Крестовых походов / Владимир Малов. – М.: Оникс, 2008. – 254 с.
39. *Медведев И.П.* Петербургское византиноведение. Страницы истории. – М.: Алетейя, 2006. – 334, [16] с.
40. *Мишо Г.* История крестовых походов / Пер. с фр. С.Л. Клячко. – СПб.; М.: Издание Товарищества М.О. Вольф, 1864. – 231 с.
41. *Монусова Е.* История крестовых походов. – М.: АСТ – СПб.: Астрель, 2010. – 505, [1] с.
42. *Морисон С.* Крестоносцы. – М.: Весь Мир, 2003. – 271 с.
43. *Морозов В.Е.* Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 656 с.
44. *Норвич Дж.* История Венецианской республики / Пер. с англ. И. Летберг, Н. Омелянович, Ю. Федоренко. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 862, [2] с.
45. *Норвич Дж.* История Византии / Пер. с англ. Н.М Забилоцкого. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 542, [8] с.
46. *Осокин Н.А.* История Средних веков. – Т. 2: XIII-ое, XIV-ое и первая половина XV стол. – Казань: Типография императорского университета, 1889. – 1229 с.
47. Очерки по истории Византии. Вып. 1-4 / Под ред. и с предисловием В.К. Бенешевича. – СПб.: Издание Студенческого Издательского Комитета при Истор.-Филол. факультете СПб Университета, 1912. – 583 с.
48. *Панадакис А., Мейендорф И., прот.* Христианский Восток и возвышение папства: Церковь в 1071-1453 гг. / Пер. с англ. А.В. Левитского, У.С. Рахновской, А.А. Чеха. – М.: Православ. Св.-Тихонов. гуманитар, ун-т, 2010. – 630 с.
49. *Перну Р.* Крестоносцы. Перевод с фр. А.Ю. Карачинского и Ю.П. алинина. – СПб.: «Евразия», 2001. – 320 с.
50. *Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.

51. *Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи. – Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 1963. – 543 с.
52. *Соколов Н.П.* Сорок лет советского византиноведения. – Горький: Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 1959. – 51 с.
53. *Успенский Ф.И.* История Византийской империи: Отдел VI. Комнины; Отдел VII. Расчленение империи; Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. Восточный вопрос / Сост. Л.В, Литвинова. – М.: Мысль, 1997. – 829, [2] с.
54. *Успенский Ф.И.* История крестовых походов. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 161 с.
55. *Февр Л.* Бои за историю / Пер. с фр. А.А. Бобовича, М.А. Бобовича, Ю.Н. Стефанова. М.: Издательство «Наука», 1991. – 630 с.
56. *Филипп Дж.* Четвертый Крестовый поход / Пер. с англ. А. Воскресенской. – М.: АСТ, 2010. – 509, [3] с.
57. *Харитонович Д.Э.* История крестовых походов. – М.: Аванта +, 2009. – 712 с.
58. *Хилленбранд К.* Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива / Пер. с англ. «Издательство «ДИЛЯ». – СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2008. – 672 с.
59. *Шейнэ Ж.-К.* История Византии / Пер с фр. В.Б. Зусевой. – М.: АТ: Астрель, 2006. – 158 [2] с.
60. *Эрдман К.* Происхождение идеи крестового похода / Перевод, предисловие и комментарий Д.Г. Хрусталева. – СПб.: «Евразия», 2018. – 662 с.
61. *Эрс Ж.* История крестовых походов / Пер. с фр. Н.Ю. Некрасова. – М.: Евразия, 2017. – 233 с.
62. *Эсбридж Т.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую Землю / Пер. с англ. Л.А, Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2016. – 733 с.

63. *Юревич О.* Андроник I Комнин / Пер. с англ. К.Л. Дробинской. – СПб.: Евразия, 2004. – 256 с.

Статьи

64. *Бармин А.В.* Четвертый Крестовый поход: некоторые итоги изучения // Византийский временник. – 2009. – Т. 68. – № 93. – С. 152-164.
65. *Гусева Н.С.* Школа «Анналов»: Обновление методологической базы историографического исследования и становление «новой исторической науки» // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. – 2013. – № 2(8). – С. 30-38.
66. *Заборов М.А.* «Завоевание Константинополя» Жофруа де Виллардуэна и историческая мысль средневековья // Жофруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / Перевод, статья и комментарии М.А. Заборова. М.: Наука, 1993. – С. 128-217.
67. *Заборов М.А.* Робер де Клари и его Хроника как памятник исторической мысли Средневековья // Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Перевод, статья и комментарии М.А. Заборова. – М.: Наука, 1986. – С. 81-121.
68. *Лучицкая С.И.* Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского средневековья // Одиссей. Человек в истории / Гл. ред. А.Я. Гуревич. – М., 2004. – С. 7-35.
69. *Манухина А.О.* Средства выражения оценки в латинских и старофранцузских источниках XIII века (сопоставительный анализ документов Четвертого Крестового похода) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 10 (670). – С. 116-127.
70. *Манухина А.О.* Старофранцузская хроника как образец средневекового оценочного дискурса (на материале сочинений Ж. де Виллардуэна и Р. де Клари) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 643. – С. 83-92.

71. *Манухина А.О.* Субъект оценки и виды его реализации в старофранцузской хронике XIII века (на материале сочинения Ж. де Виллардуэна «Взятие Константинополя») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 561. – С. 242-255.
72. *Мещерский Н.А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). – Т. X. – М.-Л., 1954. – С. 120-135.
73. *Мурзенков Д.Н.* Четвертый крестовый поход в оценках российских церковных историков второй половины XIX в. // Общество и власть. Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2004. – С. 321-326.
74. *Николаева Н.Д.* Четвертый Крестовый поход сквозь призму диалога культур: Случайность или предопределенность цивилизационного раскола // Диалог культур сквозь призму искусства: история, теория, прагматика. Материалы VI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. – Нальчик, 2019. – С. 122-125.
75. *Смирнов А.Г.* Роль религиозного сознания в идеологических установках и жизненной практике рыцарей Четвертого крестового похода // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. – 2015. – № 1. – С. 37-47.
76. *Стоклицкая-Терешкович В.В.* Борьба между западноевропейскими государствами за преобладание на Средиземном море в эпоху крестовых походов (с конца XI до конца XIII вв.) // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. – 1944. – Т. 1. – № 5. – С. 211-221.
77. *Шишкин А.А.* События IV Крестового похода в оценке его участников // Молодой ученый. – 2013. – № 7 (54). – С. 333-337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

78. *Мурзенков Д.Н.* Отечественная историография XIX – XX вв. Четвертого Крестового похода 1198-1204 гг. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук (07.00.09). – СПб.: 2005. – 20 с.
79. *Портных В.Л.* Крестовые походы на Ближний Восток (1095-1291 гг.): идейное содержание пропаганды. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук (07.00.03 – всеобщая история). Новосибирск, 2017. – 38 с.
80. *Портных В.Л.* Крестовые походы на Ближний Восток (1095-1291 гг.): идейное содержание пропаганды. Дисс. ... докт. ист. наук (07.00.03 – всеобщая история). Новосибирск, 2017. – 434 с.
81. *Смирнов А.Г.* Культура средневекового рыцарства: христианский идеал и реальность. Автореф. ... канд. культурологии (24.00.01). – М., 2008. – 25 с.

Учебная и учебно-методическая литература

82. *Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э.* История средних веков. Учебник. – М.: Иктерпракс, 1995. – 336 с.
83. История средних веков: В 2 т. Т. 1: Учебник / Под ред. С.П. Карпова. – 6-е издание. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Изд-во «Печатные традиции», 2008. – 681 с.
84. *Кром М.М.* Историческая антропология: Учебное пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. – М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. – 214 с.
85. *Курбатов Г.Л.* История Византии (Историография). – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. – 257 с.
86. *Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. – 374 с.

Литература на иностранных языках

87. *Chrissis N.G., Kolia-Dermizaki A., Papageorgiou A.* Byzantium and the West Perception and Reality (11th – 15th c.). – London – New York: Routledge, 2019. – 328 p.
88. *Harris J.* The End of Byzantium. – Yale University Press, 2011. – 298 p.
89. *Page G.* Being Byzantine: Greek identity before Ottomans. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – 346 p.
90. Writing the Early Crusades: text, transmission and memory / Ed. by M. Bull and D. Kempf. – The Boydell Press, Woodbridge, 2014. – 174 p.